

Д 6155

Ивановъ-Разумникъ

Литература

и

общественность

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—
1910

Ивановъ-Разумникъ

Того же автора:

**Исторія русской общественной
мысли**

Тт. I и II (LII + 900 стр.)
2-ое изд., дополненное, 1908 г.
Цѣна за оба тома 3 рубля.

Объ интеллигенціи

I. Махаевщина. II. Кающіеся разночинцы.
2-ое изд., дополненное, 1910 г.; стр. 220
Цѣна 80 коп.

О смыслѣ жизни

— О. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ.
1908 г.; стр. 312
Цѣна 1 рубль.

Литература

и

общественность

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

Памяти

А. И. Герцена и
Н. К. Михайловскаго

посвящаетъ эту книгу

АВТОРЪ

П. П. П.

А. Н. Т. б. н. а. н.

Н. К. Миняновская

П. П. П.

П. П. П.

Оглавление.

	стр.
Предисловіе	VII
Михайловскій	1
Герценъ и Михайловскій	13
Жизнь и теоріи	44
Марксистская критика	108
Еще о смыслѣ жизни	207

Марксистская критика.

I.

Два «великихъ раскола» пришлось пережить русской общественности, русской интеллигенціи за послѣднія столѣтія: въ первой половинѣ XIX вѣка она раскололась на славянофильство и западничество, во второй половинѣ XIX вѣка—на народничество и марксизмъ. И если первый изъ этихъ расколовъ оказался настолько глубокимъ, что слѣды его не изгладились до настоящаго времени, что въ наши дни замѣчается даже новое углубленіе старой розни, то точно также есть основаніе предполагать, что и второй великій расколъ надолго останется реальнымъ фактомъ въ исторіи русской общественности и русской литературы. Слишкомъ глубоки, слишкомъ остры тѣ разногласія, которыя разъединили и продолжаютъ разъединять насъ на идейно враждебные другъ другу станы.

Противоположность между славянофильствомъ и западничествомъ гораздо непримиримѣе, конечно, чѣмъ противорѣчіе между народничествомъ и марксизмомъ. Глубочайшій расколъ среди славянофиловъ и западниковъ обусловился коренной разницей психологическихъ типовъ, діаметральной противоположностью міропониманія мисти-

ческаго и позитивнаго; это расколъ философо-религіозный въ своей основѣ—и уже на этой почвѣ выросли тѣ социальные и политическія разнорѣчія, вокругъ которыхъ велась борьба западничества со славянофильствомъ. Въ этой борьбѣ западничество скоро побѣдило, но основа славянофильства осталась невредимой: мистическое и романтическое міропониманіе лежитъ внѣ позитивной плоскости и не разрушимо никакими ударами реализма. Были и вѣчно будутъ люди двухъ противоположныхъ психологическихъ типовъ, мистики и позитивисты, романтики и реалисты; а потому и старая борьба ихъ между собою вѣчно была, будетъ и никогда не приведетъ къ окончательной побѣдѣ.

Казалось бы, что между народничествомъ и марксизмомъ нѣтъ такой непреходимой пропасти. Дѣйствительно, и народничество и марксизмъ всегда стояли на одной и той же почвѣ позитивнаго міропониманія, разногласія ихъ всегда ограничивались, казалось бы, областью социально-политическихъ вопросовъ, да и то почти исключительно вопросовъ о средствахъ, такъ какъ конечная цѣль, идеаль—были общими.

Казалось бы, что въ славянофильствѣ и западничествѣ мы имѣемъ два разныхъ міропониманія, двѣ разныхъ философскихъ и религіозныхъ системы, а въ народничествѣ и марксизмѣ—только двѣ разныхъ социологическихъ теоріи, два разныхъ социально-политическихъ воззрѣнія. И однако мы видимъ какое-то гораздо болѣе глубокое, коренное противорѣчіе между народничествомъ и марксизмомъ, какую-то преграду между ними, раздѣляющую ихъ не только социологически, но и психологически. Да, это несомнѣнно: глубокий расколъ между народниками и марксистами есть въ основѣ своей расколъ социально-этической. Центральный вопросъ о социальномъ и этическомъ значеніи и положеніи человѣческой личности, различное пониманіе не только роли этой личности въ исторіи, но и ея значенія въ святая святыхъ всего міро-

воззрѣнія, въ нашей теодицеѣ и, выражаясь по аналогіи, въ нашей антроподицеѣ — вотъ та преграда, которая стоитъ между народничествомъ и марксизмомъ, вотъ основа второго великаго раскола русской общественной мысли. И уже на этой почвѣ выросли тѣ социальныя и политическія разнорѣчія, вокругъ которыхъ велась борьба народничества съ марксизмомъ; каковы бы ни были результаты этой борьбы, несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно: разногласія слишкомъ остры, слишкомъ глубоки, чтобы можно было надѣяться на скорое примиреніе.

Критическое народничество Михайловскаго клало во главу угла человѣческую личность и уже на этомъ фундаментѣ воздвигало стройное общественное ученіе; марксизмъ отнесся къ личности пренебрежительно и поставилъ на ея мѣсто понятіе социальной группы. Прошло много лѣтъ; теперь и старое народничество и старый марксизмъ — уже пройденныя ступени нашей общественности и литературы; возникаютъ новые вопросы, новыя проблемы и въ области социально-политической и въ сферѣ философско-этической. Но несмотря на это — старое противорѣчіе осталось попрежнему непреодоленнымъ, и попрежнему противорѣчіе это — человѣческая личность. Для однихъ она исходный и конечный пунктъ, для другихъ она только промежуточное средство; и эти двѣ точки зрѣнія въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ несводимы одна къ другой. Индивидуалистическое общественное ученіе и анти-индивидуалистическое общественное теченіе были и будутъ двумя несводимыми другъ къ другу воззрѣніями реалистической части русской интеллигенціи.

Когда сталкиваются два представителя этихъ столь различныхъ группъ, то принципиальный споръ между ними настолько же бесплоденъ, насколько противоположны ихъ исходныя точки. Наоборотъ, очень поучительнымъ можетъ оказаться ихъ споръ о тѣхъ или иныхъ фактахъ нашей общественности: тутъ и факты эти будутъ освѣщены съ разныхъ сторонъ, и самыя теоріи въ это же время под-

вергнутся испытанію фактами. Вотъ, напримѣръ, статья г. Г. Плеханова «Идеологія мѣщанина нашего времени» («Современный Миръ» 1908 г. VI, 112—138 и VII, 72—129), громадная статья, посвященная подробному разбору книги пишущаго эти строки «Исторія русской общественной мысли»: заранѣе можно сказать, что статья эта не можетъ не быть поучительной во многихъ отношеніяхъ. Не въ томъ дѣло, что г. Плехановъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ могоканъ стараго марксизма, а любопытно само по себѣ столкновеніе двухъ намѣченныхъ выше противоположныхъ точекъ зрѣнія и притомъ въ столь богатой содержаніемъ области, какъ исторія русской общественности XIX вѣка.

Уже одно это обстоятельство является достаточнымъ оправданіемъ появленія настоящей статьи, посвященной разбору марксистской критики «Исторія русской общественной мысли» *); отвѣчая г-дамъ марксистамъ на ихъ очень неблагоклонную и рѣзкую критику, мы тѣмъ самымъ будемъ освѣщать основной пунктъ расхожденія новаго народничества и стараго марксизма. Примиреніе, соглашеніе — здѣсь невозможно; можно и должно только выяснить основу непримиримаго разногласія и затѣмъ прекратить споръ, который далѣе становится бесплоднымъ.

Къ сожалѣнію, во всякой «анти-критикѣ» (какой съ внѣшней стороны является и настоящая статья) нельзя избѣжать иногда довольно значительныхъ уклоненій въ сторону отъ главной темы, вызываемыхъ всякими ложными полемическими диверсіями нападающаго; а марксистская критика искони была большой любительницей такихъ диверсій. Михайловскій, въ своемъ спорѣ съ марксистами вообще и съ г. Плехановымъ въ особенности,

*) Кромѣ статьи г. Г. Плеханова, намъ придется коснуться столь же обширной статьи г. А. Луначарскаго «Мѣщанство и индивидуализмъ» (въ сборникѣ «Очерки философіи коллективизма», Спб., 1909 г., стр. 221 — 349); статья эта также является «марксистской критикой» вышеуказанной книги пишущаго эти строки.

могъ не обращать вниманія на такія нападенія и лишь изрѣдка указывалъ читателямъ на «грязныя перчатки» въ полемикѣ г. Н. Бельтова. Пишущій эти строки лишень завидной возможности отвѣчать молчаніемъ на многіе мало достойные выпады марксистской критики: онъ защищаетъ не себя, а дорогое ему возрождающееся міровоззрѣніе, имѣющее пока въ современной литературѣ весьма немногихъ выразителей.

II.

Г. Плехановъ является однимъ изъ тѣхъ «твердокаменныхъ ортодоксовъ» марксизма, которыхъ я позволилъ себѣ въ своей книгѣ назвать «любопытными окаменѣlostями». Г. Плехановъ — крупная величина въ области практическаго социализма и одинъ изъ пионеровъ русскаго ортодоксальнаго марксизма, какъ теоріи; но въ этой послѣдней области онъ «окаменѣлъ духомъ» вотъ уже скоро тридцать лѣтъ... Онъ увѣренъ, что владѣетъ абсолютной, непререкаемой истиной, отнынѣ и до вѣка не нуждающейся въ критикѣ; онъ обладаетъ непоколебимой вѣрой, что «марксистская истина» есть истина безъ кавычекъ...

А между тѣмъ теперь даже многіе «твердокаменные ортодоксы» начинаютъ, кажется, понимать, что есть области, въ которыхъ марксистская истина оказывается самой грубой ложью. Эта марксистская истина заключается, какъ извѣстно, въ социально-экономическомъ объясненіи историческихъ явленій. Не буду останавливаться здѣсь на этой набившей оскомину теоріи, особенно въ томъ ея одностороннемъ видѣ экономическаго монизма, въ какомъ она торжествовала побѣду въ девяностыхъ годахъ; эта марксистская истина уже давно признана вполне несостоятельной и знаменитое ученіе о «надстройкѣ» уже давно погребло подъ своими развалинами ортодоксальный марксизмъ. Такова была судьба марксистской истины—отождествленія

экономики съ социологіей *); могикине ортодоксальнаго марксизма, во главѣ съ г. Плехановымъ, теперь уже неохотно защищаютъ эту безнадежную позицію. Но зато съ тѣмъ болѣе и достойнымъ лучшей участи рвеніемъ объясняютъ они всѣ историческія (въ широкомъ смыслѣ) явленія своимъ социально-экономическимъ критеріемъ и принципомъ.

Пишущій эти строки подчеркнул въ своей «Исторіи русской общественной мысли» методологическое значеніе этого принципа въ его примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ; марксизмъ же хочетъ видѣть въ немъ универсальный аршинъ, которымъ можно измѣрять всѣ проявленія человѣческаго духа. И вотъ начинаютъ измѣрять этимъ универсальнымъ аршиномъ философію, этику, эстетику, религію... Въ результатѣ получается та ужасающая плоскость мысли, изъ которой не можетъ выйти марксистская критика. И находясь въ этихъ низинахъ мысли, не умѣя поднять голову вверхъ, могикине марксизма продолжаютъ считать себя обладателями единой истины.

Поймутъ ли они когда-нибудь, въ чемъ ихъ ошибка? Конечно нѣтъ: нельзя безнаказанно сидѣть тридцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ, уставясь глазами въ одну точку. Они никогда не поймутъ ограниченности своего универсальнаго измѣрителя; они не поймутъ, что этимъ своимъ аршиномъ они могутъ измѣрять только ограниченную плоскость, а не глубину человѣческаго духа. Посмотрите, какъ марксистская критика «объясняетъ» Толстого, Чехова, Ибсена, Канта, Нитцше, какъ она аккуратно и старательно прикладываетъ къ нимъ свой социально-экономическій аршинчикъ: вѣдь становится вчужѣ стыдно за русскую литературу, когда слышишь эти «объясненія» марксистской критики... Какая убогость мысли, какое неумѣніе понять

*) Обо всемъ этомъ см. «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 370—372 и 379—380 (изд. 2-ое); тамъ указана та доля истины, которая заключается въ этомъ положеніи.

глубокую сущность вопроса, какая дѣтская рѣзвость, какое непониманіе! «Мелкій буржуа», «идеологъ мелкой буржуазіи» — вотъ два волшебныхъ слова, которыми объяснятъ вамъ и Чехова, и Нитцше, и кого вамъ угодно! А не то, такъ наоборотъ — назовутъ Ибсена борцомъ противъ мелкой буржуазіи и будутъ думать, что вполнѣ «объяснили» Ибсена! *). «Ибсенъ родился, выросъ и возмужалъ въ мелко-буржуазной средѣ, и характеръ его отрицанія былъ, такъ сказать, predeterminedъ характеромъ этой среды...» И это — критика! Но если это критика, то что же тогда называется непониманіемъ?

Чего же не могутъ понять могоканы ортодоксальнаго марксизма? Они не понимаютъ, что ихъ социально-экономическій критерій безсиленъ проникнуть въ глубь явленій, что есть вещи навѣки недоступныя для ихъ плоскаго, поверхностнаго измѣренія, что никакими сложнѣйшими социально-экономическими формулами не передать и не объяснить простѣйшаго вопроса философіи: зачѣмъ жизнь? зачѣмъ смерть? Они не хотятъ понять того, что социально-экономическій критерій остается въ своей силѣ, но что сверхъ него и за нимъ неизбѣженъ другой критерій — этический, философскій, религіозный. Хорошо, пусть Ибсенъ «выросъ въ мелко-буржуазной средѣ», пусть Чеховъ не можетъ быть понять внѣ почвы восьмидесятихъ годовъ, а Толстой — внѣ атмосферы крупнаго помѣстнаго дворянства второй половины XIX вѣка: вѣдь «великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ» (Михайловскій). Но поймите же, наконецъ, что какъ подробно вы ни измѣрили бы этимъ социально-экономическимъ аршиномъ Толстого, Чехова, Ибсена — вы все же еще не проникли въ глубь ихъ творчества, вы еще не сдѣлали для этого ни одного шага. Рядъ глубочайшихъ философскихъ проблемъ поставленъ Толстымъ въ «Войнѣ и

*) См. статью Г. Плеханова «Генрихъ Ибсенъ», очень характерную для марксистской литературной критики.

мирѣ», Достоевскимъ — въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»: какъ вы подступите къ нимъ со своимъ экономическимъ критеріемъ? Вы будете беспомощно лепетать, что Достоевскій — «мелко-буржуазный» разночинецъ, а Толстой — «крупно-буржуазный» дворянинъ? Пусть такъ; это отмѣтили еще за четверть вѣка до васъ Михайловскій и въ этомъ есть доля истины; но дальше? Дальше идти вы не можете, а потому и утверждаете, что дальше ничего нѣтъ и ничего не нужно; въ этомъ и заключается ваша марксистская истина.

Во всемъ этомъ ясно сказывается та основная черта марксизма, о которой мы говорили выше: пренебреженіе къ глубокой, неповторяемой, индивидуальной человѣческой личности, къ ея жгучимъ и болѣзненнымъ запросамъ, къ ея внутренней сущности. Личность эта вырастаетъ на социальной почвѣ, но глубочайшіе этические запросы этой личности могутъ быть объяснены только этическими и философскими критеріями. Социально-экономическій критерій законенъ какъ методологическій приемъ при объясненіи общественныхъ явленій; но рядомъ съ нимъ и надъ нимъ долженъ стоять критерій философскій и этический, безъ котораго и общественность и индивидуальность равно непонятны.

«Кромѣ социально-экономической группировки (явленій) и рядомъ съ ней должна имѣть мѣсто и группировка социально-этическая» — на этомъ положеніи построена вся «Исторія русской общественной мысли» (см. т. I, стр. XXII). Кромѣ социально-экономическихъ группъ — классовъ — съ которыми только и оперируетъ марксизмъ, мы устанавливаемъ нѣкоторую социально-этическую группировку не по внѣшнимъ, а по внутреннимъ признакамъ. Мы говоримъ о внѣклассовой и внѣсословной интеллигенціи, изучаемъ ея отношеніе къ личности, ея индивидуализмъ, ея борьбу съ этическимъ мѣщанствомъ; мы не останавливаемся на убогомъ утвержденіи, что Достоевскій былъ «мелко-буржуазный разночинецъ», но стремимся подойти

къ самой сущности его гениальныхъ откровеній, его философіи. Такъ мы прослѣживаемъ всю исторію русской интеллигенціи, всю исторію русской общественной мысли; само собой разумѣется, какъ къ этому долженъ отнестись марксизмъ, упорно ставящій точку тамъ, гдѣ мы ставимъ только двоеточіе.

Вотъ коренное, непримиримое противорѣчіе, лежащее между г. Плехановымъ и пишущимъ эти строки. Г. Плехановъ, сказали мы выше, — одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей стараго ортодоксальнаго марксизма, уже нѣсколько десятилѣтій упорно отстаивающій ту марксистскую истину, о которой идетъ рѣчь. Всякая «критика» ему ненавистна; онъ убѣжденъ, что обладаетъ полной и цѣльной истиной и на прокрустово ложе этой «истины» укладываетъ всѣ общественныя явленія, все творчество человѣческаго духа; на всѣхъ инако мыслящихъ онъ смотритъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ. Чернышевскій когда-то очень мѣтко охарактеризовалъ этотъ типъ доктринара, убѣжденнаго въ своей абсолютной правотѣ: «Г. Плехановъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ (въ словахъ Чернышевскаго мы измѣняемъ только имя.—И.-Р.). Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость...» Онъ держитъ въ рукахъ универсальный аршинъ марксистской истины и добросовѣстно мѣряетъ имъ все, что попадетъ подъ руку: и аграрную программу, и Ибсена, и голодъ 1891—92 г., и философію Канта. И если измѣреніе социальнo-экономическимъ критеріемъ политико-экономическихъ вопросовъ даетъ удовлетворительные результаты (ибо здѣсь аршиномъ измѣряется длина), то зато что получается изъ бѣднаго Ибсена или Канта — объ этомъ лучше и не говорить... Конечно, они оказываются сознательными или безсознательными «идеологами буржуазіи» — крупной или мелкой... Это ужъ такой неизбѣжный выводъ, что его можно предсказать заранее и безошибочно.

Могу гордиться тѣмъ, что и мнѣ приходится раздѣлять въ глазахъ г. Плеханова печальную участь всѣхъ инако мыслящихъ: конечно «г. Ивановъ-Разумникъ» является «идеологомъ буржуазіи», его міровоззрѣніе представляетъ изъ себя «идеологію образованнаго и „критически-мыслящаго“ мѣщанина нашего времени» (VI, 138). Если бы г. Плехановъ не сказалъ этого, то на что годилась бы его универсальная марксистская истина? Но что дѣлать! Признаюсь откровенно: я предпочитаю оставаться во мнѣніи г. Плеханова «идеологомъ буржуазіи» рядомъ съ Михайловскимъ или Чеховымъ, чѣмъ считаться «идеологомъ пролетаріата» вкупѣ и влюбѣ съ могиканами ортодоксальнаго марксизма... Ибо, какъ извѣстно г. Плеханову, я считаю окаменѣвшее въ догмѣ міровоззрѣніе его и немногихъ могиканъ старозавѣтнаго марксизма тѣмъ типичнымъ этическимъ мѣщанствомъ, съ которымъ всегда вела борьбу русская интеллигенція и въ которое неизбѣжно вырождается современный марксизмъ, когда-то полный жизни и движенія, а теперь все болѣе и болѣе обращающійся въ схему, въ догму, въ катехизисъ.

III.

«Самъ съѣшь. Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчьи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя... Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики». Эти ядовитыя слова Пушкина вполне оправдываются, къ сожалѣнію, и на современной марксистской критикѣ. Въ «Ист. русск. общ. мысли» я назвалъ авторовъ сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» (въ ихъ числѣ и г. Луначарскаго) эпигонами марксизма, — въ отвѣтъ на это г. Луначарскій именуетъ меня «эпигономъ народничества»; я назвалъ высохшій и застывшій въ догмѣ ортодоксальный мар-

ксизмъ мѣщанствомъ, — въ отвѣтъ на это г. Плехановъ и Луначарскій кричатъ мнѣ unissono: «самъ мѣщанинъ!» Ужасное самъ съѣшь!

Правда, г. Плехановъ вкладываетъ въ понятіе «мѣщанства» не совсѣмъ тотъ смыслъ, какъ пишущій эти строки. Для г. Плеханова мѣщанство есть буржуазія и буржуазія есть мѣщанство, и когда онъ кричитъ мнѣ свое «самъ мѣщанинъ!» — то это должно означать «идеологъ буржуазіи». Для меня «мѣщанство» отнюдь не связано исключительно съ буржуазіей, а объединяетъ собою людей всѣхъ классовъ, всѣхъ званій и состояній, но нѣкотораго общаго духовнаго уровня; говоря такъ, я лишь слѣдую за Герценомъ, впервые заговорившимъ объ этомъ этическомъ мѣщанствѣ *). На послѣднее мое утверженіе стремительно обрушивается г. Плехановъ; онъ утверждаетъ, что Герценъ ничего подобнаго никогда не думалъ и не говорилъ, онъ даетъ свое собственное толкованіе воззрѣній Герцена. Вотъ объ этомъ стоитъ поговорить, вмѣсто того, чтобы угощать другъ друга взаимными самъ съѣшь.

Какъ понимаетъ Герцена пишущій эти строки — это читатель знаетъ изъ страницъ, посвященныхъ характеристикѣ его міровоззрѣнія (см. выше, стр. 13 — 43); какъ понимаетъ Герцена г. Плехановъ — это мы сейчасъ увидимъ. Отношеніе Герцена къ буржуазіи и мѣщанству, съ одной стороны, отношеніе его къ социализму — съ другой: вотъ два главныхъ пункта, на которые обращаетъ свое вниманіе г. Плехановъ.

Г. Плехановъ начинаетъ съ того, что приводитъ рядъ цитатъ для характеристики отношенія Герцена къ буржуазіи и доказываетъ, что для Герцена «мѣщанство» было духовнымъ свойствомъ буржуазіи. Для г. Плеханова все ясно: буржуазія есть классъ, «буржуазность» есть характерное свойство этого класса; но вѣдь вопросъ вовсе

*) См. выше статью «Герценъ и Михайловскій» и главу о Герцевѣ въ «Ист. русск. общ. мысли».

не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: если все это даже и такъ, то распространяется ли духовное свойство буржуазіи на другіе классы? И какъ отвѣчалъ на подобный вопросъ Герценъ? — Герценъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ съ категорической опредѣленностью, и отвѣтъ этотъ мы найдемъ хотя бы въ тѣхъ цитатахъ, которыя приводитъ г. Плехановъ и которыя читатель найдетъ въ «Ист. русск. общ. мысли» (т. I, стр. 344—349). Буржуазія — это центръ мѣщанства, — такъ формулировали мы мысль Герцена, — но мѣщанство шире: эта общая безличность, эта общая узость понятій и плоскость чувствованій переступила сословную черту и разлилась широкимъ потокомъ по всей Европѣ... (см. выше, стр. 16). «Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство, — говоритъ Герценъ: — объ этомъ можно было бы спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видѣть всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку». Вы видите: буржуазія составляетъ только часть европейскаго общества, но ставитъ свою «торговую марку» — этическое мѣщанство — «на всѣхъ его проявленіяхъ». Мѣщанство, характерное для буржуазіи, распространяется на всѣ другіе классы, на все общество — такова была мысль Герцена; «объ этомъ можно было бы спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно»... Перечтите хотя бы только тѣ десятка два цитатъ, которые приводятся въ «Ист. русск. общ. мысли» (I, 344—349).

Но г. Плеханову хочется спорить. Онъ доказываетъ, что этическое мѣщанство есть свойство буржуазнаго класса и не можетъ подвергнуться процессу отвлеченія, что такого отвлеченнаго пониманія оно не имѣло у Герцена. Онъ не устаетъ иронизировать надъ такимъ «нумеральнымъ смысломъ» мѣщанства и насмѣшливо заявляетъ, что «г. Ивановъ-Разумникъ даже и природу не прочь обвинить въ буржуазности». А ужъ это дѣйствительно —

верхъ «отвлеченія», дальше идти некуда, не такъ ли? И представьте себѣ, что это «мѣщанство природы» — не только мысль, но даже буквальныя слова Герцена! «Въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго»: мы уже встрѣчались съ этими словами Герцена и знаемъ, какое широкое развитіе получила эта мысль въ теоріи идеальныхъ и практическихъ типовъ Михайловскаго (см. выше, стр. 17 и сл.). Г. Плехановъ, повидимому, не имѣетъ понятія объ этомъ фактѣ — пусть такъ; но отсюда ясно, какъ плохо понимаетъ онъ герценовское «мѣщанство»: онъ не знаетъ, что мысль о «мѣщанствѣ въ природѣ» есть мысль Герцена, ясно показывающая, насколько далеко ушелъ Герценъ отъ любезной сердцу г. Плеханова экономики въ своемъ отвлеченномъ пониманіи мѣщанства.

Но оставимъ въ сторонѣ природу, вернемся къ людямъ. Для Герцена понятіе этического мѣщанства, отвлеченнаго отъ буржуазіи, распространялось на всѣ классы, на всѣ сословія; онъ видѣлъ мѣщанство и въ купцѣ, и въ крестьянинѣ, и въ профессорѣ, и въ рабочемъ — и не боялся высказывать это открыто. Сама борьба пролетаріата съ буржуазіей казалась ему въ общемъ борьбою двухъ становъ мѣщанъ: «съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой — неимущіе мѣщане (подчеркнуто Герценомъ), которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ достояніе, но не имѣютъ силы»... Но здѣсь мы уже переходимъ отъ вопроса о буржуазіи къ вопросу о социализмѣ, и здѣсь снова мы встрѣчаемся съ совершеннымъ непониманіемъ г. Плехановымъ Герцена.

Для Герцена социализмъ не былъ такимъ фетишемъ, какимъ онъ является для ортодоксальнаго марксизма. Марксизмъ обладаетъ религіозной вѣрой — которую считаетъ «научнымъ прогнозомъ», — что въ ближайшемъ будущемъ царство буржуазіи падетъ и воцарится социализмъ марксистскаго образца; тогда рѣки потекутъ млекою и медомъ, человѣчество совершитъ мгновенный прыжокъ

«изъ царства необходимости въ царство свободы». И тогда — «о, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!» Мы уже приходилось указывать, что въ этой фанатической вѣрѣ таилась и таится сила марксизма, что именно этой вѣрѣ марксизмъ обязанъ своимъ быстрымъ распространеніемъ среди изстрадавшихся и истомившихся рабочихъ массъ. Такой слѣпой вѣры въ социализмъ не было у Герцена. Быть можетъ, современемъ социализмъ побѣдитъ, говорилъ онъ, а быть можетъ и нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ Европа кристаллизуется въ мѣщанствѣ, и это будетъ печальнымъ концомъ европейской исторіи. Если же социализмъ и побѣдитъ, то и это не будетъ конечнымъ этапомъ развитія человѣчества; Герценъ съ гениальной прозорливостью предвидѣлъ, какъ много будетъ въ этомъ побѣдоносномъ социализмѣ элементовъ ненавистнаго ему этического мѣщанства; если бы Герценъ могъ увидѣть современный застывшій въ догмѣ ортодоксальный марксизмъ, то онъ еще больше утвердился бы въ своемъ пророческомъ предчувствіи. «Герценъ былъ до того глубоко убѣжденъ въ мѣщанствѣ, какъ основѣ всего европейскаго уклада, что высказывалъ еретическую мысль о томъ, что социализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, неизбежно самъ выродится въ мѣщанство: «социализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой социализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма»... Эту мысль о потенциальномъ мѣщанствѣ социализма уразумѣло только поколѣніе русской интеллигенціи начала XX вѣка, такъ что въ этомъ случаѣ Герценъ на пятьдесятъ лѣтъ опередилъ свое время...» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 369). А вотъ г. Плехановъ и до сего дня не можетъ «уразумѣть» этой мысли и тѣмъ самымъ на пятьдесятъ лѣтъ отстаетъ отъ своего времени и даже отъ Герцена.

Это клевета на Герцена и на социализм!—возмущается г. Плехановъ. «...У Герцена дѣло происходитъ совсѣмъ не такъ просто: вотъ, молъ, социализмъ останется побѣдителемъ на полѣ битвы и сей часъ же выродится въ консерватизмъ» (VI, 131). Но гдѣ же г. Плехановъ нашель у меня это подчеркнутое мною «сейчасъ же»? У меня сказано: социализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, неизбежно самъ выродится въ мѣщанство. Но и съ этой неизбежностью г. Плехановъ несогласенъ: «никакія соображенія объ игрѣ жизни не убѣдятъ меня въ неминувности неизвѣстной революціи, которой, будто бы, суждено явиться отрицаніемъ социализма» — торжественно восклицаетъ онъ (VI, 132). Ну, еще бы: марксистскій Zukunftstaat—уже абсолютная и конечная форма общественной жизни; эта сентиментальная вѣра г. Плеханова, какъ и всякая вѣра, не подлежитъ оспариванію: пусть себѣ вѣрять! Но зато пусть же онъ и не приписываетъ Герцену своего марксистскаго отношенія къ социализму. А г. Плехановъ это дѣлаетъ и дѣлаетъ очень неискусно; чтобы убѣдиться въ этомъ, приходится переписать изъ статьи г. Плеханова большую цитату, къ счастью наполнину состоящую изъ словъ Герцена. «...Согласно представленію Герцена, — пишетъ г. Плехановъ, — социализмъ, пока онъ шелъ бы по восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія, характеризовался бы полнымъ исчезновеніемъ того разлада между развитыми личностями съ одной стороны и «толпой, массой» — съ другой, которымъ отличается періодъ мѣщанства. Эпоха восходящаго социализма была бы одной изъ благодатныхъ эпохъ такъ изображаемыхъ Герценомъ:

«Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ общемъ дѣлѣ. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ она живетъ. Въ такія времена, тоже довольно рѣдкія (подчеркнутыя слова пропущены г. Плехановымъ), все бросается въ круговоротъ событій,

живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно гениальныя, какъ Гете, стоятъ поодаль, и натуры пошло безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, также увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько же поглощены революціей, какъ якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности, — все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ, жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія» («Съ того берега», гл. VII).

«Нашъ историкъ умалчиваетъ обо всемъ этомъ, — продолжаетъ г. Плехановъ, — и это его умолчаніе даетъ представленіе о томъ, какъ много можно полагаться на его «исторію русской общественной мысли». Истинно, истинно говорю вамъ, читатель: и Ивановъ-Разумникъ, подобно герою извѣстной басни Крылова, слона-то и не замѣчаетъ»... (VI, 132—133).

Ну, что же — рассмотримъ поближе плехановекаго «слона», хотя бы для разсмотрѣнія его и пришлось пользоваться микроскопомъ. Обратимся для этого къ Герцену. О чемъ говоритъ онъ въ приводимой г. Плехановымъ цитатѣ? Онъ говоритъ объ эпохахъ революцій вообще, и все сказанное имъ одинаково можетъ быть отнесено и къ 1789-му, и къ 1905-му году, и къ революціи буржуазной, и къ революціи социально-демократической, и къ революціи политической, и къ будущей социалистической революціи. Это рѣдкія и бурныя эпохи общественныхъ взрывовъ, когда, по словамъ Герцена, «все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ», когда всѣ личности «увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ». Г. Плехановъ увѣряетъ, что такую-де, по мнѣнію Герцена, будетъ и «эпоха восходящаго социализма»: откуда намъ сіе? Вѣдь мы уже

теперь давно живемъ въ «эпохѣ восходящаго социализма» («восходъ» этотъ начался, конечно, съ появленіемъ марксизма—не такъ ли?), но гдѣ же то кипѣніе всѣхъ людей въ круговоротѣ событій, о которомъ говорилъ Герценъ? гдѣ поглощеніе всѣхъ, увлеченіе и удовлетвореніе въ настоящей борьбѣ? гдѣ общее дѣло личности и среды? Все это будетъ въ грядущей социалистической революціи—въ одной изъ тѣхъ быстрыхъ и бурныхъ вспышекъ, тѣхъ эпохъ, которыя самъ Герценъ называетъ рѣдкими; а г. Плехановъ хочетъ заставить Герцена считать такой эпохой чуть ли не перманентную эпоху «социализма, пока онъ шелъ бы по восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія!» Напрасная попытка! И хотя бы г. Плехановъ нагромоздилъ другъ на друга еще десятокъ родительныхъ падежей, все же остается неоспоримымъ, что Герценъ имѣетъ въ виду не «восходящую часть кривой линіи историческаго движенія социализма», а эпоху революціоннаго разряда, рѣдкую эпоху, поглощающую всѣхъ въ одномъ быстромъ круговоротѣ событій.

Итакъ, все то, что Герценъ говоритъ о процессѣ революціи, хотя бы и социалистической, нисколько не опровергаетъ его же мысли о неизбежномъ мѣщанствѣ того же социализма послѣ своей побѣды. Пройдетъ эпоха борьбы, социализмъ останется побѣдителемъ послѣ переворота и сдѣлается нормой общественной жизни—такой же нормой, какой теперь является буржуазно-капиталистическій укладъ. И вотъ въ эту-то эпоху «высшей части кривой линіи историческаго движенія социализма», въ эту эпоху—думаетъ Герценъ—«снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія», и снова начнется борьба этого революціоннаго меньшинства—съ социализмомъ какъ съ нормой, съ догмой, съ обыденностью. Какъ относился Герценъ вообще къ такой по-революціонной эпохѣ, а значить и къ по-революціонной эпохѣ социализма—это мы сейчасъ увидимъ изъ словъ Герцена, непосредственно слѣдую-

щихъ за переписанной г. Плехановымъ цитатой, но почему-то незамѣченныхъ нашимъ марксистомъ. Указавъ на революціонныя эпохи, эпохи яркой жизни и борьбы, Герценъ продолжаетъ:

«Есть другія времена—и они всего обыкновеннѣе—времена мирныя, сонныя даже, въ которыя отношенія личности къ средѣ продолжаютъ, какъ они были поставлены послѣднимъ переворотомъ. Они не настолько натянуты, чтобъ лопнуть, не настолько тяжелы, чтобъ нельзя было вынести, и, наконецъ, не настолько исключительны и настойчивы, чтобъ жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главныя шероховатости. Въ такія эпохи вопросъ о связи общества съ человѣкомъ не такъ занимаетъ. Являются частныя столкновенія, трагическія катастрофы, вовлекающія въ гибель нѣсколько лицъ, раздаются титаническіе стоны скованнаго человѣка; но все это теряется безслѣдно въ учрежденномъ порядкѣ, признанныя отношенія остаются неизблѣмыми, покоятся на привычкѣ, на человѣческомъ безпечіи, на лѣни, на недостаткѣ демоническаго начала критики и ироніи».

Вотъ какъ смотрѣлъ Герценъ на эпоху установившихся отношеній, когда люди, лишеныя начала критики, пытаются создать изъ этихъ отношеній постоянную норму, будь то буржуазный укладъ или марксистскій Zukunftstaat. И вотъ теперь люди, лишеныя «демоническаго начала критики и ироніи» и, наоборотъ, щедро одаренные, подобно г. Плеханову, божественнымъ началомъ догмы,—теперь эти люди хотятъ сдѣлать изъ Герцена такого же вѣрующаго социалиста, какъ они сами! Герценъ во многомъ ошибался, во многомъ былъ не правъ—объ этомъ мнѣ приходилось говорить достаточно подробно; но его мысль о потенциальномъ мѣщанствѣ социализма является поистинѣ гениальнымъ прозрѣніемъ—въ этомъ насъ, задолго до побѣды социализма, достаточно ясно убѣждаетъ

современный насквозь догматичный и не критический ортодоксальный марксизмъ.

Выводъ изъ предыдущаго: если г. Плехановъ утверждаетъ, что видитъ «слона», то не вѣрьте ему на слово: этотъ «слонъ» можетъ оказаться «субъективной иллюзіей» нашего марксиста, несмотря на весь его (г. Плеханова) величественный объективизмъ. И если нашъ марксистъ, приводя одну цитату, умалчиваетъ о сосѣдней, главнѣйшей, то—скажу его словами—это его умолчаніе даетъ представленіе о томъ, какъ много можно полагаться на его критику «Исторія русской общественной мысли».

А теперь пусть самъ читатель судить о степени пониманія или непониманія г. Плехановымъ Герцена. Пока Герценъ говоритъ съ г. Плехановымъ понятнымъ послѣднему языкомъ — языкомъ социальнo-экономическихъ положеній — г. Плехановъ его понимаетъ; но чуть только Герценъ покидаетъ эту родную для нашего марксиста стихію, какъ послѣдній становится совершенно неспособнымъ слѣдить мыслью за великимъ родоначальникомъ русскаго народничества. И тогда онъ начинаетъ «объяснять» Герцена *sub specie marxismi*: громаднаго Герцена онъ пытается втиснуть въ схему универсальной марксистской истины. Тутъ мы узнаемъ, что вся трагедія Герцена заключалась, разумѣется, въ томъ, что онъ не дошелъ до пониманія догматовъ марксистскаго вѣроученія, «не доработался до этой спокойной увѣренности»... «...Въ этомъ было его величайшее несчастіе, въ этомъ заключался глубочайшій трагизмъ его борьбы съ Западомъ»... (VI, 135). Изъ такого обеззуживающе-плоскаго пониманія ясно только одно: трагедія Герцена лежитъ за предѣлами досягаемости г. Плеханова.

И что характерно: вѣдь это не къ одному Герцену г. Плехановъ примѣняетъ свой универсальный диагнозъ; нѣтъ, всѣ ошибки всѣхъ мыслителей, публицистовъ, художниковъ заключаются или въ незнаніи, или непониманіи единоспасающей марксистской истины. Въ этомъ основ-

ная болѣзнь не только Герцена, Вѣлинскаго, Чернышевскаго, Михайловскаго, но и—*sit venia comparationi*—Максима Горькаго, и Достоевскаго, и Толстого. А разъ универсаленъ діагнозъ, то и лекарство отъ всѣхъ болѣзней тоже универсальное: прими марксистскую истину — и спасенъ будешь, и всѣ трагедіи какъ рукой сниметъ... («Только марксизмъ могъ бы вылечить М. Горькаго» — слова г. Плеханова). Точь въ точь какъ тотъ пресловутый мольеровскій докторъ, который противъ всѣхъ болѣзней зналъ только одно универсальное лекарство:

*Clysterium donare,
Postea purgare...*

А хоръ *savantissimorum doctorum* удовлетворенно подтверждаетъ: «*bene, bene respondere*»...

Bene, bene respondere, г. Плехановъ!

IV.

Обратимся, однако, къ главному пункту нападеній г. Плеханова—къ понятіямъ «мѣщанства» и «интеллигенціи», независимо отъ того, что и какъ думалъ Герценъ по этимъ вопросамъ; мы уже видѣли, что тщетна попытка г. Плеханова обстричь Герцена подъ марксистскую гребенку.

Центромъ нападенія г. Плеханова является слѣдующая характеристика мѣщанства—переписываю дословно: «мѣщанство есть группа преемственная, внѣклассовая и внѣсословная. Въ этихъ признакахъ — главное отличіе «мѣщанства» отъ «буржуазіи», типично сословной и классово-вой группы. Буржуазія это прежде всего—третье сословіе; далѣе это общественный классъ, рѣзко опредѣляемый и характеризуемый, какъ экономическая категория, понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ (подъ рентой, въ условно широкомъ смыслѣ, мы понимаемъ и до-

ходъ предпринимателей и доходъ землевладѣльцевъ). Понятіе «мѣщанства» — неизмѣримо шире, такъ какъ внѣклассовость и внѣсословность являются его характерными признаками»... («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 14).

Такая характеристика вызываетъ въ г. Плехановѣ цѣлый рядъ недоумѣній; онъ «настоятельно проситъ» автора разрѣшить его, г. Плеханова, сомнѣнія. А въ чемъ заключаются эти сомнѣнія—о томъ слѣдуютъ пункты. «Во-первыхъ,—спрашиваетъ г. Плехановъ,—на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что «буржуазія это прежде всего—третье сословіе»? Вѣдь третье сословіе обнимало собою и буржуазію и пролетаріатъ, поскольку существовали тогда эти общественныя категории. Но когда существовало третье сословіе, буржуазія была еще далека отъ полного господства въ западно-европейскомъ обществѣ. Этого господства она достигла уже послѣ того, какъ уничтоженъ былъ сословный строй (ancien régime), т.-е. послѣ того, какъ устранено было всякое логическое основаніе для того, чтобы именовать буржуазію сословной группой. Мнѣ кажется, что я догадываюсь, почему нашъ историкъ позабылъ въ этомъ случаѣ исторію, но я не хочу высказывать свою догадку. Я предпочитаю дожидаться отвѣта отъ г. Иванова-Разумника» (VI, 120).

Я заранѣе увѣренъ, что какіе бы отвѣты я ни далъ, хотя бы діаметрально противоположные—г. Плехановъ торжествующе заявитъ, что вотъ именно этотъ самый отвѣтъ онъ и имѣлъ въ виду... Поэтому заранѣе поздравляю г. Плеханова съ его догадливостью и отвѣчаю въ немногихъ словахъ на его вопросъ, почему я назвалъ буржуазію «третьимъ сословіемъ». Классъ есть явленіе капиталистическаго строя; въ феодальномъ строѣ (ancien régime) ему соотвѣтствуетъ сословіе. Переходъ сословія въ классъ есть переходъ постепенный, совершившійся во Франціи въ XVIII и началѣ XIX вѣка, а въ Россіи—въ срединѣ XIX вѣка и до конца его. А потому—«буржуазія это

прежде всего—третье сословіе»: это справедливо и хронологически, и социологически, и какъ тамъ еще ни смотрите. Это такъ ясно, что мнѣ даже неловко объяснить г. Плеханову такія истины, но вѣдь онъ самъ «настоятельно просилъ» отвѣта... Ну, что-жъ: по просьбѣ вашей дастся вамъ.

Но у г. Плеханова есть еще и другіе вопросы, на которые онъ столь же «настоятельно» проситъ отвѣта. «...Я прошу еще разъ г. Иванова-Разумника отвѣтить мнѣ,—вопрошаетъ г. Плехановъ:—имѣютъ ли какой-нибудь классовый характеръ тѣ группы, которыя, вмѣстѣ съ буржуазіей, входятъ... въ собирательную группу мѣщанства? Если—да, то какой именно; а если—нѣтъ, то почему не имѣютъ? И что это значитъ? Я буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта» (VI, 121).

Прежде, чѣмъ отвѣчать на эти столь избыточные вопросы (не сомнѣваюсь, что г. Плехановъ можетъ еще и zehn mal mehr fragen), надо объяснить, что собственно такъ смущаетъ и беспокоитъ нашего марксиста? Его смущаетъ опредѣленіе «мѣщанства» какъ внѣклассовой группы. «Хотя мѣщанство, какъ группа, неизмѣримо шире буржуазіи,—иронизируетъ г. Плехановъ,—но, очевидно, что въ составъ мѣщанства входитъ также и буржуазія... Значитъ... буржуазный классъ является составною частью внѣклассовой... группы мѣщанства. Но если это такъ,—а это, какъ видитъ читатель, не можетъ быть иначе,—то имѣемъ ли мы право называть мѣщанскую группу—внѣклассовой? Очевидно, нѣтъ! Та общественная группа, одной изъ составныхъ частей которой является буржуазный классъ, сама должна имѣть по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени классовый характеръ...» Поэтому мы не имѣемъ права называть группу мѣщанства—внѣклассовой группой. «Если—продолжаетъ г. Плехановъ—одною изъ составныхъ ея частей является буржуазный классъ, то другими ея составными частями могутъ явиться только какіе-нибудь

другі классы или слои. Вѣдь это же ясно, какъ день. А если ясно, то спрашивается: какіе же классы или слои? Г. Ивановъ-Разумникъ хранить на этотъ счетъ глубокое молчаніе. Но молчаніе не аргументъ» (VI, 120—121). А потому г. Плехановъ «настоятельно просить» отвѣта, котораго «будетъ съ нетерпѣніемъ ждать»...

Я очень радъ, что могу успокоить нетерпѣніе г. Плеханова: дѣло въ томъ, что отвѣтъ на всѣ столь смущающіе моего критика вопросы данъ мною какъ-разъ въ той самой «Исторіи русск. общ. мысли», въ которой критикъ нашелъ по указаннымъ вопросамъ только «глубокое молчаніе»... Нѣсколько позднѣе я еще подробнѣе остановился на этихъ вопросахъ въ книгѣ «Что такое махаевщина?», вышедшей въ свѣтъ почти за годъ до появленія этой статьи г. Плеханова *). Правда, я говорилъ тамъ не о «мѣщанствѣ», а объ «интеллигенціи»; но вѣдь г. Плехановъ знаетъ, что для меня «мѣщанство» — такая же (соціально-этическая) группа, какъ и интеллигенція, характеризуемая одними и тѣми же четырьмя основными формальными признаками. Подчеркнутая фраза находится въ томъ самомъ опредѣленіи «мѣщанства», которое мы привели выше и которое г. Плехановъ столь тщательно переписалъ на страницѣ 117-ой своей статьи; впрочемъ, подчеркнутыя слова г. Плехановъ предусмотрительно замѣнилъ многоточіемъ... Во всякомъ случаѣ я могъ бы теперь отвѣтить моему критику: на всѣ ваши вопросы о «мѣщанствѣ» я уже неоднократно и давнымъ давно отвѣтилъ, говоря объ «интеллигенціи»; обратитесь къ вышеуказаннымъ книгамъ и статьямъ. Но, памятуя, что *repetitio est mater studiorum*, и входя въ положеніе г. Плеханова, который такъ «настоятельно просить» отвѣта и ждетъ его съ такимъ «не-

*) См. въ настоящее время второе изданіе этой книги: «Объ интеллигенціи», Спб., 1909 г. Значительныя дополненія представляютъ въ главной своей части статью, прочитанную авторомъ въ Спб. Литературномъ Обществѣ 26 апрѣля 1908 года.

терпѣніемъ» — я готовъ еще разъ, какъ это ни скучно, повторить свой старый отвѣтъ на вопросы г. Плеханова.

Точно такъ же, какъ частью «интеллигенціи» являются «умственные рабочіе», такъ и частью «мѣщанства» является «буржуазія» — это мы уже отмѣтили выше; но отсюда далеко до утвержденія, что весь классъ умственныхъ рабочихъ входитъ въ интеллигенцію или характеризуетъ ее, что весь классъ буржуазіи входитъ въ мѣщанство или характеризуетъ его. Тутъ два совершенно различныхъ принципа дѣленія: умственные рабочіе и буржуазія — это дѣленіе соціально-экономическое, интеллигенція и мѣщанство — это дѣленіе соціально-этическое, и вторая группировка совершенно не опровергается первой. Въ интеллигенцію входятъ рѣшительно всѣ соціально-экономическіе классы, точно такъ же, какъ и въ мѣщанство; наоборотъ, въ классъ буржуазіи или въ любой иной входятъ рѣшительно всѣ соціально-этическія группы. Неужели это такъ трудно понять? Для г. Плеханова это, повидимому, не легко, а потому позволю себѣ дать ему самый простой примѣръ. Возьмемъ любяя двѣ группировки людей — хотя бы, на примѣръ, національную и экономическую: съ одной стороны европейцы — это русскіе, англичане, французы и т. д., съ другой стороны тѣ же самые люди являются землевладѣльцами, капиталистами, мелкими собственниками, пролетаріями и т. п. Это двѣ параллельныя группировки, нисколько не опровергающія одна другую; въ нихъ каждый изъ членовъ одного ряда является суммой частей другого ряда. Такъ, на примѣръ, всѣ русскіе неизбѣжно будутъ землевладѣльцами, капиталистами, пролетаріями, всѣ англичане также, всѣ французы точно также и т. д. Но и наоборотъ: всѣ капиталисты являются русскими, англичанами, французами, всѣ землевладѣльцы также, всѣ пролетаріи точно также и т. д. Все это отъ слова до слова примѣнимо къ двумъ любымъ рядамъ подобныхъ параллельныхъ группировокъ, все это буквально примѣнимо и къ группировкамъ экономической и этической. Если и

это непонятно г. Плеханову, то я, къ сожалѣнію, лишень умѣнія выразиться еще яснѣе.

Но во всякомъ случаѣ г. Плеханову теперь ясенъ, надѣюсь, тотъ отвѣтъ на его вопросы, котораго онъ ждетъ, по его же словамъ, съ такимъ нетерпѣніемъ? «Имѣютъ ли какой-нибудь классовый характеръ тѣ группы, которыя входятъ въ собирательную группу мѣщанства?» На это позволю себѣ отвѣтить встрѣчнымъ вопросомъ: имѣютъ ли какой-либо экономической характеръ тѣ группы, которыя входятъ въ собирательную группу національности? Конечно, да: среди русскихъ будутъ и капиталисты, и землевладѣльцы, и пролетаріи, и всѣ прочія группы; точно также среди духовныхъ «мѣщанъ» будутъ и буржуа, и умственные работники и т. д., и они же будутъ среди группы «интеллигенціи». И въ «мѣщанство» и въ «интеллигенцію» входятъ люди всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій—и именно потому эти всѣклассовыя группы суть группы внѣклассовыя, точно также какъ экономическія группы капиталистовъ, землевладѣльцевъ и пролетаріевъ суть категоріи всѣнаціональныя, а потому и внѣнаціональныя.

Итакъ, пусть г. Плехановъ успокоится: въ «мѣщанство», какъ и въ «интеллигенцію», неизбежно будутъ входить частями рѣшительно всѣ классовыя группы; каждый представитель и интеллигенціи и мѣщанства неизбежно принадлежитъ къ какому-либо классу, точно такъ же какъ неизбежно онъ долженъ быть либо брюнетомъ, либо блондиномъ... Но при чемъ же тутъ этотъ признакъ цвѣта волосъ или принадлежности къ такой-то экономической группѣ, разъ мы производимъ дѣленіе по этическимъ признакамъ?

Но тутъ г. Плехановъ, какъ одинъ изъ могоканъ ортодоксальнаго марксизма, несомнѣнно поспѣшитъ укрыться подъ сѣнь старой «марксистской истины»: между экономикой и этикой—скажетъ онъ—существуетъ тѣсная причинная связь; экономическія отношенія—это тотъ фун-

даментъ, на которомъ... и прочее, а этика является той «надстройкой», которая... и тому подобное. Здѣсь это чеховское «и прочее», «и тому подобное»—какъ-разъ у мѣста: можно не договаривать, всѣмъ извѣстна эта марксистская истина о «надстройкѣ». Но выше мы уже выяснили наше отношеніе къ этой марксистской истинѣ, а потому и предполагаемое возраженіе г. Плеханова является аргументомъ лишь для адептовъ марксистскаго вѣроученія. Для насъ же и экономическая и этическая группировки являются двумя главными параллельными рядами, руководствуясь которыми, мы изучаемъ внѣшнюю и внутреннюю исторію общественной мысли. Г. Плехановъ полагаетъ, что «объяснить» эту исторію—значитъ свести ее къ социально-экономической точкѣ зрѣнія: «всякая данная философія исторіи лишь постольку и имѣла теоретическую цѣнность, поскольку она переходила на эту почву, поскольку ей удавалось опредѣлить соціологической эквивалентъ тѣхъ или другихъ этическихъ явленій»... (VI, 124). Но вѣдь это только половина работы, вѣдь отсюда только и начинается настоящая философія исторіи, задача которой какъ-разъ обратная: дать этической и философской эквивалентъ тѣхъ или другихъ соціологическихъ явленій! И тотъ, кто не видитъ и не понимаетъ этого—пусть лучше забудетъ о философіи исторіи: она не для него писана.

V.

Разобранные выше «вопросы» г. Плеханова почему-то представляются нашему марксисту вопросами «непреодолимой трудности»; но все-таки онъ великодушно готовъ не заканчивать ими свою критику, а продолжать ее дальше, въ поискахъ за новыми «непреодолимыми трудностями». «...Допустимъ,—дѣлаетъ онъ невѣроятное предположеніе,—допустимъ, что эти трудности превзойдены, допустимъ,

что г. Ивановъ-Разумникъ уже объяснилъ намъ,—чего онъ, правда, еще не сдѣлалъ, да, пожалуй, и не сдѣлаеть (тщетная надежда г-на Плеханова!),—въ какомъ отноше- нии стоитъ, напримѣръ, французская буржуазія къ дру- гимъ общественнымъ группамъ, вмѣстѣ съ нею соста- вляющимъ во Франціи, какъ и во всѣхъ буржуазныхъ странахъ, несравненно болѣе широкую группу мѣщанства»... (VI, 122).

Остановимся немного на этой «непреодолимой труд- ности», прежде чѣмъ слѣдовать за г. Плехановымъ дальше. Нашему марксисту хочется провести ту мысль, что въ «мѣщанствѣ» доминируетъ буржуазія, что она накладыва- етъ свою печать на всѣ остальные группы и классы— ну, конечно, за исключеніемъ пролетаріата. Мы сказали выше, что «центромъ» мѣщанства, по мнѣнію Герцена, является буржуазія—но еще въ «Исторіи русск. общ. мысли» мы указали, что не считаемъ это «буржуазное мѣщанство» общимъ случаемъ мѣщанства вообще, что оно является только частнымъ, хотя и характернымъ слу- чаемъ, что различныя другія группы представляютъ не менѣе характерные признаки мѣщанства («Исторія русск. общ. мысли», т. I, стр. 14—15). Collaboratio simplex—про- стое сотрудничество—вотъ отношеніе части буржуазіи, части, входящей въ группу «мѣщанства», ко всѣмъ дру- гимъ сотоварищамъ по группѣ—хотя бы, напримѣръ, къ тѣмъ «идеологамъ пролетаріата», которые застыли въ схемѣ, въ догмѣ и стали типичными этическими мѣща- нами... Г. Плехановъ полагаетъ, якобы вслѣдъ за Герце- номъ, что «этическое мѣщанство (является) духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка» (VI, 123); онъ не замѣчаетъ, что всякая «идеологія временъ упадка» неизбѣжно падаетъ въ мѣщанство... А современный орто- доксальный марксизмъ переживаетъ теперь несомнѣнно періодъ самаго явнаго идейнаго упадка.

Возвращаемся, однако, къ «непреодолимымъ трудно- стямъ» г. Плеханова. Мы уже слышали отъ него, что

онъ готовъ предположить, что всѣ эти трудности пре- взойдены; при этой мысли нашъ критикъ «испытываетъ значительное облегченіе» (VI, 123), но очень скоро имъ «опять овладѣваетъ мучительное безпокойство» (ibid.). И намъ опять приходится успокаивать г. Плеханова.

Въ чемъ дѣло на этотъ разъ? Все въ тѣхъ же новыхъ варіаціяхъ на старій ладъ, все въ томъ же сопоставле- нии «мѣщанства» и «буржуазіи». «Одновременно съ нару- шеннымъ равновѣсіемъ сословныхъ слоевъ въ эпоху ве- ликою французской революціи,—читаетъ г. Плехановъ въ «Исторіи русск. общ. мысли» (т. I, стр. 59),—ложно-клас- сическая трагедія была отодвинута на задній планъ «мѣ- щанской драмой», параллельно съ выступленіемъ буржуа- зіи, tiers-état, передъ высшимъ дворянствомъ, аристокра- тией. Поэтому несомнѣнно, что «мѣщанская драма» была сословно-мѣщанской, но настолько же несо- мнѣнно, что въ то же время она была литературно анти-мѣщанской: она была протестомъ противъ узкихъ, заledenѣлыхъ формъ псевдо-классицизма»... Какъ!?!—воз- мущается г. Плехановъ:—мѣщанское анти-мѣщанство! борьба майора Ковалева со своимъ собственнымъ носомъ, буржуазіи со своей духовной сущностью! «Выходитъ, стало быть, что было такое время, когда буржуазія не являлась составною частью группы мѣщанства, а стояла внѣ ея и боролась съ нею. Буржуазія про- тивъ мѣщанства...—вотъ это-то положеніе меня и сму- щаетъ»... (VI, 123). Да не смущается сердце ваше, г. Пле- хановъ; стоитъ вамъ только сообразить, что экономиче- ская группа буржуазіи не тождественна этической группѣ мѣщанства. А потомъ—позвольте!—не отъ васъ ли только что слышали мы сочувственное подтвержденіе мысли Герцена, что этическое мѣщанство является духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка? Но вѣдь въ такомъ случаѣ «ясно, какъ день», что этическое мѣщан- ство не является духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ подъема, это даже г. Луначарскій—и тотъ по-

нимаешь... *). Эпоха «мѣщанской драмы»—эпоха Вольтеровъ и Руссо, Дантоновъ и Мирабо, эпоха великой французской революціи—была именно временемъ величайшаго духовнаго подъема буржуазіи, и буржуазія боролась тогда съ тѣмъ «мѣщанствомъ», которое проявлялось въ другихъ общественныхъ группахъ, въ разныхъ «упадочныхъ идеологіяхъ» того времени... Придетъ время—не будетъ буржуазіи; но и тогда останется этическое мѣщанство, останутся представители сухихъ, мертвыхъ, отжившихъ догмъ—хотя бы то были и социалисты типа г. Плеханова: въ предвидѣніи этого Герценъ говорилъ о будущей борьбѣ выродившагося социализма съ новой, грядущей, неизвѣстной революціей...

Успокоили ли мы «мучительное безпокойство» нашего критика—не знаемъ; но мы знаемъ зато, что имъ опять овладѣваютъ новыя безпокойства, новыя тревоги! Какъ! «мѣщанство» есть вѣчная этическая категория! даже при социализмѣ возможно мѣщанство! «Вѣдь мы лучше социализма пока еще ничего не придумали, а оказывается, что и социализмъ страдаетъ мѣщанствомъ, по крайней мѣрѣ «потенціальнымъ»! Какъ же тутъ не приуныть? Какъ не

*) «Этическое мѣщанство представлялось ему (Герцену) духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка,—пишетъ и одобряетъ г. Плехановъ;—поэтому-то онъ и могъ сочувственно говорить о другихъ фазисахъ ея развитія, о тѣхъ эпохахъ, когда на исторической сценѣ появлялись Рафаэли и Буанаротти, Вольтеры и Руссо, Гете и Шиллеры, Дантоны и Мирабо»... (VI, 123). По этому поводу г. Луначарскій замѣчаетъ: «повидимому, Плехановъ самъ вполне сочувствуетъ такому ограниченію: этическое мѣщанство есть свойство буржуазіи въ эпоху ея упадка. Изъ этого опредѣленія мы логично выводимъ заключеніе: буржуазія въ эпоху своего подъема не отличается мѣщанствомъ... Когда буржуазія находится на высотѣ культуры, когда она выдвигаетъ круныя таланты, она выходитъ за предѣлы мѣщанства: Вольтеръ, Шиллеръ и Мирабо—не мѣщане»... (стр. 281). Совершенно вѣрно, г. Луначарскій! Но г. Луначарскій съ этимъ несогласенъ: «я думаю, — заключаетъ онъ, — что Плехановъ рассуждаетъ въ данномъ случаѣ не какъ марксистъ»... Вотъ вамъ, г. Плехановъ: à un marxiste—marxiste et demi!.

воскликнуть: о, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» (VI, 113). Еще и еще разъ намъ приходится успокаивать нашего критика; къ счастью, это будетъ въ послѣдній разъ.

Здѣсь намъ приходится коснуться вопроса объ соотношеніи понятій мѣщанства и интеллигенціи. «...Интеллигенція и мѣщанство,—говорили мы,—это двѣ силы, дѣйствующія въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, двѣ непримиримо враждебныя силы: мѣщанство—это та среда, въ неустанной борьбѣ съ которой происходилъ процессъ развитія интеллигенціи»... («Исторія русск. общ. мысли», т. I, стр. 16). Эта борьба противъ мѣщанства велась и ведется за человѣческую личность, за индивидуальность, за ея широту, глубину и яркость; и люди, ведущіе эту борьбу, объединяются нами въ одну внѣсословную, внѣклассовую, преемственную группу «интеллигенціи». Избавленіе отъ мѣщанства—въ ростѣ этой внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; Герценъ думалъ найти спасеніе въ анти-мѣщанствѣ «крестьянскаго тулупа», но вскорѣ самъ понялъ свою ошибку. «Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами; отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство» (ibid., т. I, стр. 375—376).

Боже мой, какой шумъ подняли наши марксисты по поводу только-что приведенной фразы! Достаточно сказать, что г. Плехановъ переписываетъ ее, частями и полностью, цѣлыхъ шесть разъ, если не больше! И г. Луначарскій тоже негодуетъ. Презрѣніе къ массѣ! Аристократизмъ! Оскорбленіе народа! Хула на святая-святыхъ коллективизма!

«Ясно, что масса всегда останется пропитанной мѣ-

щанством,—негодующе подчеркиваетъ г. Плехановъ;— а такъ какъ освобожденіе личности предполагаетъ «прежде всего» ея освобожденіе отъ мѣщанства, то ясно, какъ божій день, что тотъ идеаль, за который боролась и борется, по словамъ г. Иванова-Разумника, русская интеллигенція, для массы недостижимъ; ясно, какъ божій день, что это идеаль, до котораго могутъ—по народному выраженію—достукаться только избранные люди, цвѣтъ націи, «отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій». Иначе сказать—это идеаль, достижимый лишь для нѣкихъ внѣсословныхъ и внѣклассовыхъ сверхъчеловѣковъ»... (VI, 128).

Плохо понялъ меня г. Плехановъ; вѣрнѣе—совсѣмъ не понялъ. И причина непониманія все та же самая: нашъ марксистъ попрежнему продолжаетъ отождествлять социальное-экономическое съ социальное-этическимъ. «Освобожденіе личности» можетъ и должно быть двоякимъ—экономическимъ и этическимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ. Нашъ идеаль—общественное освобожденіе человѣка изъ-подъ власти машины-капитализма и левіаѳана-государства, обобществленіе орудій производства, возвращеніе всей «прибавочной стоимости» трудящимся, при полной политической свободѣ; однимъ словомъ, нашъ идеаль—побѣда реального социализма надъ капиталистическимъ строемъ и надъ всѣми его губящими личностъ противорѣчіями. Этотъ идеаль долженъ быть осуществленъ и—вѣримъ—будетъ осуществленъ; онъ не является конечнымъ пунктомъ пути—наоборотъ, это лишь одинъ изъ первыхъ этаповъ на пути къ освобожденію человѣка. Вотъ почему нашъ марксистъ очень ошибается, навязывая намъ мысль, что освобожденіе личности предполагаетъ «прежде всего» (ироническія кавычки г. Плеханова) ея освобожденіе отъ мѣщанства: прежде всего должно быть достигнуто и будетъ достигнуто общественное освобожде-

ніе личности, политическое, экономическое и социальное освобожденіе всѣхъ людей безъ исключенія.

Но это только одна половина вопроса, только первый шагъ къ полному раскрѣпощенію личности; кромѣ этого внѣшняго социальное-экономическаго освобожденія, рядомъ съ нимъ идетъ и борьба за внутренне социальное-этическое освобожденіе личности отъ путъ мѣщанства, изъ-подъ ферулы сословной, классовой, партійной и всякой иной ограниченности. Эта борьба съ духовной косностью, узостью и ограниченностью во много и много разъ тяжелѣе и труднѣе борьбы за социальное раскрѣпощеніе; часто бываетъ такъ, что борцы за это раскрѣпощеніе не могутъ избѣгать въ концѣ концовъ той духовной ограниченности, узости и самоудовлетворенности, которую мы видимъ въ современномъ вырождающемся ортодоксальномъ марксизмѣ. Въ этой области социальное-этическаго творчества слишкомъ сильна консервативная власть массы, толпы—объ этомъ много горькихъ словъ сказалъ въ свое время Герценъ, а послѣ него хотя бы Ибсенъ (напримѣръ, въ своемъ «Докторѣ Штокманѣ»). Мѣщанская масса, толпа—будь то масса студентовъ или толпа профессоровъ, безразлично—всегда относится сначала враждебно ко всякой новой «истинѣ», рождающейся на свѣтъ; и лишь тогда, когда эта истина развивающейся науки достаточно постарѣетъ, она становится достояніемъ этой «массы», и притомъ иногда въ тотъ самый моментъ, когда въ мукахъ творчества появляется на свѣтъ другая «истина», призванная замѣнить первую (вѣдь абсолютная, неизмѣнная истина имѣется лишь у однихъ ортодоксальныхъ марксистовъ...). И этой новой истинѣ приходится вести трудную борьбу съ консервативной по своему существу массой, толпою; это справедливо по отношенію и къ наукѣ, и къ искусству, и къ системамъ міровоззрѣній—вообще ко всей области творчества человеческого духа.

И все это относится ко всякой «массѣ», ко всякой

«толпѣ»: и къ сословнымъ и къ классовымъ группамъ, и къ толпѣ студентовъ, и къ массѣ крестьянъ, и къ толпѣ изысканной «культурной публики», и къ толпѣ рабочихъ, и къ массѣ ученѣйшихъ профессоровъ. Но въ каждой изъ этихъ группъ есть часть интеллигенціи, ведущей борьбу съ этимъ мѣщанствомъ за духовную свободу личности; къ этой внѣсословной и внѣклассовой въ ея цѣломъ интеллигенціи могутъ принадлежать и ученый профессоръ, и безграмотный крестьянинъ, и студентъ, и рабочій, общіе не по уровню знаній, а по уровню своего социально-этического сознания; и наоборотъ—ученѣйшій академикъ и профессоръ, *savantissimus doctor*, можетъ и не принадлежать къ интеллигенціи, можетъ, по уровню своего социально-этического сознания, быть типичнымъ представителемъ массы, толпы *). И я еще разъ повторяю, для удовольствія моего критика, столь ужаснувшую его фразу: да, «сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами»; только «отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство»... Пусть нашъ марксистъ прочтетъ, что пишетъ о «толпѣ» и «массѣ» Герценъ,—тогда, быть можетъ, онъ немного успокоится.

Г-ну Иванову-Разумнику «непріятна» толпа, масса, — возмущается мой критикъ:—«онъ» воскрешаетъ «теорію героевъ и толпы» въ ея самомъ «мѣщанскомъ изданіи» (VI, 129). Не слѣдовало бы г. Плеханову упоминать объ этой теоріи, памятуя объ афронтьѣ, понесенномъ имъ въ спорѣ о «герояхъ и толпѣ» съ Н. К. Михайловскимъ еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда г. Плехановъ такъ

*) Въ который уже разъ мнѣ приходится повторять это—и все-таки г. Плехановъ не можетъ этого понять! См. книгу «Объ интеллигенціи» и Введеніе въ «Ист. русск. общ. мысли».

же навыворотъ понять Михайловскаго. «Но, мой бѣдный г. Бельтовъ, вѣдь вы понимаете вещи совершенно, такъ сказать, наоборотъ!»—воскликнулъ Михайловскій въ отвѣтъ на «критику» г. Плеханова *). Исторія повторяется: теперь г. Плехановъ дѣлаетъ мнѣ честь «понимать совершенно наоборотъ» мои слова. Я говорю объ этическомъ значеніи массы и толпы, а г. Плехановъ переводитъ мои слова на единственно понятный ему социологическій языкъ. Въ социологической «теоріи героевъ и толпы» герои ведутъ толпу за собою, стоятъ во главѣ ея и направляютъ ее; въ указанномъ же выше противопоставленіи интеллигенціи и мѣщанства интеллигенція борется съ мѣщанствомъ, идетъ противъ него. И это г. Плехановъ называетъ «самымъ мѣщанскимъ изданіемъ теоріи героевъ и толпы»! Какъ же тутъ не сказать, вмѣстѣ съ Михайловскимъ: «но, мой бѣдный г. Плехановъ, вѣдь вы понимаете вещи совершенно, такъ сказать, наоборотъ!»...

Въ области социально-экономической идетъ борьба массы за общественное освобожденіе человѣка; въ области социально-этической, наоборотъ,—идетъ борьба съ массой за нравственное освобожденіе личности. Обѣ эти борьбы идутъ одновременно, но въ первой области побѣда будетъ достигнута прежде, чѣмъ во второй. Побѣда надъ мѣщанствомъ не совпадетъ съ торжествомъ социализма: до нея гораздо дальше—это понималъ уже Герценъ, предвидя будущее мѣщанство социализма. Будетъ ли когда-нибудь окончательно превзойдено это этическое мѣщанство? Не знаемъ—но вѣримъ въ будущую свободу человѣческаго духа такъ же, какъ вѣримъ и въ социальное освобожденіе человѣчества. *Mens libera in corpore libero*, свободный духомъ человѣкъ на свободной землѣ—вотъ величайшій идеалъ, едва мерцающій намъ изъ туманной дали грядущихъ столѣтій; и если невозможно абсолютное достиженіе его, то постоянное и величайшее приближеніе

*) См. «Русское Богатство» 1895 г., № 1.

къ нему—вотъ задача, стоящая передъ человѣчествомъ и субъективно осмысливающая его существованіе.

Не знаю, нужно ли мнѣ послѣ всего этого отвѣчать на обильные выпады марксистскихъ критиковъ противъ моего «аристократизма», противъ моей «буржуазности» и тому подобныхъ придуманныхъ ими преступленій? Вѣдь какъ подробно ни отвѣчай—все равно марксистскихъ обвиненій не убавишь, а на читателей тоску наведешь. Отвѣчу кратко: въ области социальна-экономической и политической я былъ и остаюсь сторонникомъ самаго крайняго и послѣдовательнаго демократизма, но думаю въ то же время, что этический «аристократизмъ» обязательенъ для каждаго изъ насъ, начиная отъ «мыслящаго крестьянина» и кончая самимъ г. Плехановымъ. А что касается того обстоятельства, что я, будто бы, являюсь «идеологомъ буржуазіи», то вѣдь это уже само собой разумѣется, разъ «идеологами буржуазіи» являются всѣ не марксисты... Но, къ счастью—это только наивное мнѣніе самихъ марксистовъ,—мнѣніе, которымъ можно немного позабавиться, предоставляя марксистской критикѣ и впредь всегда пользоваться такимъ безвреднымъ полемическимъ приѣмомъ. Правда, г. Плехановъ идетъ дальше и утверждаетъ, что мысли и мнѣнія пишущаго эти строки «въ настоящее время... свидѣтельствуютъ... о томъ, что (люди, высказывающіе ихъ)—«себѣ на умѣ»... ..Теперь это мнѣніе служить «духовнымъ оружіемъ» тому разряду «мыслящихъ личностей», которому хотѣлось бы увѣковѣчить свое право на «принадлежащую имъ долю прибавочной стоимости»... (VI, 130). Вотъ на такіе выпады уже нельзя отвѣчать смѣхомъ, потому что они заслуживаютъ только «презрительнаго хладнокровія», говоря словами Михайловскаго изъ той же его статьи о г. Плехановѣ. Такіе нечистоплотные полемическіе приѣмы этого критика насъ не удивляютъ, ибо мы помнимъ слова того же Михайловскаго о «грязныхъ перчаткахъ» г-на Плеханова; но все-таки жаль, что г. Плехановъ и до сихъ поръ—вѣдь уже

пятнадцать лѣтъ прошло!—сохраняетъ въ своей полемикѣ все тѣ же грязныя перчатки. И даже—перчатки эти стали теперь еще грязнѣе...

VI.

Мы исчерпали всѣ «возраженія» г. Плеханова по существу; во второй части своей статьи онъ переходитъ къ частностямъ—къ разбору главъ «Ист. русск. общ. мысли», посвященныхъ Бѣлинскому, Герцену, Чернышевскому, Михайловскому, ортодоксальному марксизму... Всѣ эти главы вмѣстѣ взятые составляютъ, кстати сказать, едва третью часть «Исторіи русск. общ. мысли», да и на эту третью часть г. Плехановъ дѣлаетъ только наѣздническіе налеты, выбирая, конечно, самые слабые—съ его точки зрѣнія—пункты для атаки. Это его право, право критика; а намъ придется только слѣдовать за критикой г. Плеханова. Это тѣмъ необходимѣе, что попутно намъ придется возстановлять истинные облики такихъ большихъ людей, какъ Чернышевскій и Михайловскій, совершенно искаженные въ зеркалѣ марксистской критики.

Прежде всего—о Бѣлинскомъ. Ну, конечно: я совершенно не понялъ Бѣлинскаго, я не примѣтилъ слона, я стеръ грани съ мыслей великаго критика и т. п.—все это уже заранѣе подразумѣвается. Въ противовѣсъ всему этому г. Плехановъ выдвигаетъ впередъ обычное марксистское толкованіе хода развитія Бѣлинскаго: первоначальный «утопизмъ», затѣмъ попытка отказаться отъ «бунта субъективнаго мнѣнія противъ объективнаго разума исторіи», неудача этой попытки изъ-за «отсталости» русскихъ экономическихъ отношеній, и, наконецъ, разрывъ съ «объективнымъ разумомъ» и возвращеніе къ утопизму. Все это очень хорошо и не хватаетъ здѣсь только немногаго: не хватаетъ душевныхъ мукъ и духовныхъ скитаній Бѣлинскаго въ поискахъ за рѣшеніемъ этическихъ и философскихъ вопросовъ, т.-е. не хватаетъ безъ мала всего

Бѣлинскаго... Нечего и говорить, что отношеніе Бѣлинскаго къ человѣческой личности, его требованія оправданія міра и зла, его величайшій этическій индивидуализмъ и вообще всѣ его глубочайшіе философскіе запросы остаются для г. Плеханова книгой за семью печатами. И если все это называется — понять Бѣлинскаго, замѣтить «слона» и т. п., то что же тогда будетъ называться «оцѣживаніемъ комара и поглощеніемъ верблюда»?

Иначе, конечно, и не могло быть. Разъ считать задачей философіи исторіи «опредѣленіе социологическаго эквивалента этическихъ явленій», какъ это дѣлаетъ нашъ марксистъ, то, разумѣется, никогда не выйдешь изъ узкой и ограниченной сферы социально-экономическаго толкованія. Вотъ, не угодно ли: Бѣлинскій рѣзко разрываетъ со своимъ былымъ примиреніемъ съ дѣйствительностью и требуетъ отъ философіи отвѣта за каждую страдающую личность; а г. Плехановъ снисходительно осуждаетъ его за такое «возстаніе противъ дѣйствительности не во имя реальныхъ интересовъ трудовой части общества, вызванныхъ къ жизни ростомъ скрывавшихся въ той же дѣйствительности противорѣчій, а во имя отвлеченнаго принципа» (VII, 77). Вотъ вамъ типично марксистское пониманіе величайшихъ этическихъ проблемъ русской литературы! Бѣлинскій рѣзко и гениально ставитъ ту проблему, которая впоследствии заняла собою все творчество Достоевскаго, которою жива вся русская литература, и которую нужно такъ или иначе оцѣнить, понять, принять или отвергнуть, — а марксисты вмѣсто отвѣта мямлятъ что-то о «реальныхъ интересахъ трудовой части общества, вызванныхъ къ жизни ростомъ скрывавшихся въ дѣйствительности противорѣчій»... Какое непониманіе, какая убогость мысли, какое неумѣніе возвыситься надъ привычными вопросами о капитализмѣ, социализмѣ, пролетариатѣ! Только въ этой плоскости они и умѣютъ разсуждать; чуть явленіе вышло изъ этой плоскости — кончено дѣло!

Таково общее пониманіе (или непониманіе) марксизмомъ главныхъ пунктовъ исторіи русскаго сознанія; то же самое буквально можно повторить и о любомъ изъ частныхъ вопросовъ. Остановимся на томъ, котораго касается г. Плехановъ, — на вопросѣ о пониманіи Бѣлинскимъ «разумной дѣйствительности». Мой критикъ негодуетъ, что я «стираю грани съ мыслей гениальнаго человѣка» и называю примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью — «его умѣреннымъ анти-индивидуализмомъ» (VII, 73 и 74); по мнѣнію критика, примиреніе съ дѣйствительностью было у Бѣлинскаго проявленіемъ необходимости перейти отъ субъективной утопіи къ конкретной дѣйствительности.

По поводу этого возраженія невольно вспоминается старая фраза: все вѣрное здѣсь не ново, а все новое — не вѣрно. Вотъ, напримѣръ, будто бы я называю примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью — «его умѣреннымъ анти-индивидуализмомъ»: это и для меня ново, но все же это невѣрно. Слова «умѣренный анти-индивидуализмъ» у меня встрѣчаются по слѣдующему поводу: разбирая «Очерки бородинскаго сраженія», я указываю, что въ этой статьѣ мы имѣемъ крайне характерный ходъ мысли о значеніи личности. Съ одной стороны Бѣлинскій не рѣшается категорически провозгласить: пусть гибнетъ личность во славу Общаго, будь то общество или государство; а съ другой стороны — онъ еще болѣе далекъ отъ своего будущаго знаменитаго возгласа: «человѣческая личность — выше исторіи, выше общества, выше человѣчества!» Нѣтъ, теперь онъ пытается лавировать между Сциллой и Харибдой, онъ пытается примирить права личности и общества, онъ пытается соединить этическій индивидуализмъ съ социологическимъ анти-индивидуализмомъ. Попытка такого соединенія (очень не рѣдкаго въ исторіи русскаго сознанія) не могла удалиться, на что я и указываю. Вотъ смыслъ термина «умѣренный анти-индивидуализмъ»; здѣсь еще вовсе нѣтъ рѣчи о «примиреніи съ дѣйствительностью», и если мой критикъ ставитъ отъ

моего имени знак равенства между этими двумя понятиями, то хотя это и ново, но вполне верно: никогда ничего подобного я не говорил.

Что же касается смысла признания Бэлинским «разумной действительности», то тут г. Плехановъ высказываетъ хотя и не новыя, но верныя мысли: да, признание «разумной действительности» было переходомъ Бэлинскаго отъ абстрактнаго къ конкретному. Но и тутъ нашъ марксистъ не сумѣлъ опредѣлить «философскій эквивалентъ» этого перехода: онъ не видитъ, что «разумную действительность» Бэлинскій сталъ понимать въ смыслѣ дѣйствительности эмпирической, что гегельянство было понято Бэлинскимъ въ смыслѣ философакаго реализма, что въ немъ онъ видѣлъ спасеніе отъ «фихтианской отвлеченности». Какое громадное значеніе имѣлъ такой переходъ — объ этомъ мнѣ приходилось говорить достаточно подробно («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 257—260 и 267—271); не видѣть этого «философакаго эквивалента» или не признавать его важности можетъ только тотъ, кто съ такой легкостью оцѣживаетъ комаровъ и поглощаетъ верблюдовъ. Г. Плехановъ отличается этой способностью; но зачѣмъ же ею злоупотреблять?

Эти бѣглыя замѣтки о Бэлинскомъ я закончу небольшимъ отступленіемъ pro domo sua, касающимся терминологіи «Исторіи русск. общ. мысли». Г. Плехановъ цитируетъ ту схему, которою я заключаю рѣчь о Бэлинскомъ, указывая на его этическій индивидуализмъ эпохи фихтианства, социологическій анти-индивидуализмъ эпохи гегельянства и т. п.: «такова — заключаю я — въ самыхъ общихъ чертахъ схематическая картина постепеннаго развитія мировоззрѣнія Бэлинскаго» (т. I, стр. 288). Мой критикъ полагаетъ, что я закрываю главный вопросъ «кулисами схематическихъ построений, оставляя на сценѣ лишь отвлеченныя понятія — всѣ свои индивидуализмы и анти-индивидуализмы»... (VII, 73). Не думаю, чтобы мой критикъ былъ правъ по существу: менѣе неблагоприятный

читатель несомнѣнно увидитъ всюду за этой схемой ту внутреннюю сущность вопроса, о которой только и идетъ рѣчь въ «Исторіи русск. общ. мысли». Схемой и терминологіей я пользовался лишь для резюмированія предъидущаго или для сжатаго выраженія мыслей, подобно тому какъ, напримѣръ, Михайловскій въ свое время вкладывалъ свою теорію въ схемы объективнаго антропоцентризма, эксцентризма, субъективнаго антропоцентризма и т. п. Такой приемъ имѣетъ свои положительныя стороны, но — пользуясь случаемъ высказать это — онъ сильно угрождаетъ мысли, дѣлаетъ ихъ съ внѣшней стороны излишне тяжелыми, вредно отзывается на стилѣ и слогѣ; и я долженъ признать, что все это отразилось на внѣшней сторонѣ «Исторіи русск. общ. мысли». Надъ излишествами терминологіи, еще за шестьдесятъ лѣтъ до г. Плеханова, добродушно подсмѣивался Шевченко, говоря, что москали нишуть «чорт-зна по якому: натовкмачатъ яки-хось индивидуализмів, то що, так що аж язык отерпне поки вимовишь»... Но все это совершенно не касается сущности книги; это исключительно вопросъ формы. Терминологія, схема — это только лѣса, за которыми лишь чрезмѣрно близорукой читатель или критикъ не пожелаетъ увидѣть построенаго зданія. Обрастаетъ ли схема плотью, получаетъ ли она жизнь и движеніе въ «Исторіи русск. общ. мысли» — это вопросъ, въ рѣшеніи котораго г. Плехановъ расходится со многими другими критиками этой книги.

VII.

Объяснивъ Бэлинскаго sub specie marxismi, г. Плехановъ переходитъ къ Герцену и продѣлываетъ надъ нимъ такую же операцію. Но мы уже останавливались выше на толкованіи Герцена г. Плехановымъ и можемъ теперь пройти мимо этого измѣренія Герцена универсальнымъ марксистскимъ аршинчикомъ; скучно повторять и дока-

зывать все то же самое; что мы не найдемъ у нашего марксиста главной стороны творчества Герцена, что нашъ марксистъ не въ состояніи подняться надъ плоскостью социально-экономическаго мышленія, что глубокая и яркая философія Герцена находится внѣ предѣловъ досягаемости марксизма. Все это — старая «сказка про твердокаменнаго марксиста», которую приходится повторять десятки разъ; воля ваша — это слишкомъ скучно.

Но мы не можемъ, къ сожалѣнію, избѣжать еще болѣе скучной работы: отвѣта на цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ «критическихъ замѣчаній» нашего критика о разныхъ мѣстахъ критикуемой имъ книги. Какъ-разъ говоря о Герценѣ, г. Плехановъ дѣлаетъ рядъ полемическихъ диверсій противъ невѣжества, безграмотности, путаницы, непониманія и прочихъ ошибокъ автора «Исторіи русск. общ. мысли»; и хотя всѣ эти диверсіи оказываются, какъ мы сейчасъ увидимъ, ложными диверсіями, но приходится отвѣчать и на нихъ. Это очень скучно, и я заранѣе прошу для г. Плеханова снисхожденія читателей.

Герценъ, въ своемъ спорѣ со славянофильствомъ, доказывалъ необоснованность ходячихъ нападокъ на «эгоизмъ», ошибочность противопоставленія его альтруизму общиннаго начала и т. п. Это было блестящей защитой правъ индивидуальности и притомъ первой на этой почвѣ защитой въ спорѣ между западничествомъ и славянофильствомъ. «Герценъ — говорю я — первый указалъ вѣрный путь отъ этического индивидуализма къ социологическому и перебросилъ въ этомъ мѣстѣ мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 341). Вы ни за что не угадаете, какое возраженіе дѣлаетъ на это г. Плехановъ. Вотъ оно: «ни на какое первенство въ этомъ отношеніи Герценъ не могъ бы претендовать по той простой причинѣ, что, отрицая противоположеніе эгоизма и альтруизма, онъ просто-напросто повторялъ мысль, не одинъ разъ высказанную Гегелемъ»... (VII, 88). Это прямо-таки изъ

области юмористики! Если бы славянофильство и западничество были теченіями западно-европейской мысли, или если бы, наоборотъ, Гегель былъ русскимъ мыслителемъ, или если бы, наконецъ, нѣмецкій философъ Гегель имѣлъ бы понятіе о русскомъ славянофильствѣ и писалъ бы о немъ — вотъ тогда бы, въ одномъ изъ этихъ трехъ случаевъ, «возраженіе» г. Плеханова имѣло бы хоть какой-нибудь смыслъ. Но такъ какъ всѣ эти три случая одинаково неправдоподобны, то позвольте мнѣ, г. Плехановъ, попрежнему думать, что мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ перебросилъ впервые именно Герценъ, а не Гегель.

Г. Плехановъ еще разъ повторяетъ совершенно такую же полемическую диверсію; это, очевидно, не случайный приемъ полемики, а система. Въ статьѣ о «Робертѣ Оуэнѣ» Герценъ приводитъ мысль о противоположности національнаго богатства и народнаго благосостоянія. Я указываю, что мысль эта имѣла свою исторію въ развитіи русскаго сознанія; что намекъ на нее можно встрѣтить уже у Радищева, затѣмъ у декабристовъ; что болѣе ясно, хотя и мимолетно, она выражена у Герцена, сдѣлавшаго попытку разграничить смѣшанныя въ славянофильствѣ понятія «націи» и «народа» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 36—37, 124—125, 370 и др.). Наконецъ, мысль эта была положена во главу народничества Чернышевскимъ: «въ западно-европейскомъ социализмѣ — говорю я — понятія націи и народа впервые были разграничены Энгельсомъ, а вслѣдъ за нимъ и Марксомъ; въ русскомъ социализмѣ воплѣ самостоятельно пришелъ къ этой мысли Чернышевскій» (ibid., т. II, стр. 9). «Ужъ не Радищевъ ли?» — иронически вопрошаетъ г. Плехановъ по поводу послѣдней фразы.

Да, и Радищевъ: онъ первый въ русской литературѣ такъ рѣзко противопоставилъ «полноту житницъ» и «пустоту желудковъ» — а это именно и есть начало мысли о противоположности между національнымъ богатствомъ и

народнымъ благосостояніемъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ дальнѣйшихъ диверсіяхъ г. Плеханова. Онъ заявляетъ, что истина: «ростъ національнаго богатства далеко не равносильнъ увеличенію народнаго благосостоянія»—была впервые «сознана» вовсе не Энгельсомъ, а утопическими социалистами, за полъ-вѣка до появленія марксизма. Что мысль о противоположности интересовъ націи и народа вышла вовсе не какъ Афина во всеоружіи изъ головы Энгельса—это мнѣ извѣстно не хуже, чѣмъ г. Плеханову; въ исторіи западно-европейскаго социализма мысль эта проявлялась такъ же постепенно, какъ и въ исторіи русскаго сознанія. Мысль эту высказывали и развивали Радищевъ, Пнинъ, Н. Тургеневъ, Пестель, Герценъ—но все же впервые завершилъ разграниченіе этихъ понятій Чернышевскій, указавшій тотъ случай, когда «масса населенія пользуется вдвое бѣльшимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей вдвое меньше». И на Западѣ мысль эту высказывали до Энгельса Оуэнъ, Фурье и многіе другіе; но, быть можетъ, и г. Плеханову извѣстно, кто впервые выразилъ эту мысль въ ея окончательной формѣ: «національное богатство есть нищета народа»?

Все это настолько не существенно, что досадно тратить время на такія разъясненія; но такъ и быть, коснемся еще нѣсколькихъ мелочей.

«Г. Ивановъ-Разумникъ открываетъ въ славянофильствѣ несомнѣнныя анархистскія концепціи»—приводитъ г. Плехановъ мои слова, очевидно не одобряя ихъ; черезъ десятка два страницъ онъ находитъ, что я вкладываю въ уста славянофиловъ ироническую фразу Герцена: «лицо для государства, иначе что же это будетъ—эгоизмъ, своеволіе!» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 324 и 339—341). Тутъ, дѣйствительно, явное противорѣчіе:—славянофилы не могли повторить текстуально фразу Герцена, но они сказали бы: «лицо для общины, для общества», какъ они всегда и говорили. Съ одной стороны,

для нихъ «государство—это ложь», а съ другой—личность должна быть обуздана «общиной» въ своемъ эгоистическомъ бунтѣ; соединеніе этихъ двухъ рядовъ мыслей очень характерно для славянофильства. Но на это нашъ марксистъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, не замѣчаетъ онъ и явныхъ «анархическихъ концепцій» въ славянофильствѣ; попрежнему онъ оцѣживаетъ комара и поглощаетъ верблюда. Не слишкомъ ли часто?

Еще одна мелочь. Въ отвѣтъ на мои слова, что молодой Пушкинъ «въ качествѣ вѣрнаго ученика Вольтера бралъ уроки чистаго атеизма»—мой критикъ язвительно замѣчаетъ: «даже многіе пригитовишки знаютъ, какъ рѣшительно боролся Вольтеръ съ атеизмомъ въ теченіе всей своей жизни» (VII, 110). Но въ такомъ случаѣ эти «пригитовишки» знаютъ, вѣроятно, также и то, что почти всѣ «ученики Вольтера» отвергали деизмъ своего учителя и были чистыми атеистами. Опять, какъ видите, г. Плехановъ занимается оцѣживаніемъ комаровъ—и попрежнему безъ успѣха. Такими ненужностями и мелочами переполнена его критика.

Правда, иногда и мелочи бываютъ очень характерны. Вотъ и примѣръ: мнѣ какъ-то пришлось къ слову привести извѣстную шутку, что при нагрѣваніи хлора (Cl)— S улетучится, а l останется. Мой критикъ тягуче пересказываетъ это своими словами, въ формѣ «анекдота о человѣкѣ, который собирался добывать углеродъ изъ хлора: формула хлора — Cl ; если вы будете нагрѣвать хлоръ, то l улетучится и останется S , а S есть формула ископаемаго углерода»... (VII, 87). Вѣдь это, кажется, мелочь: г. Плехановъ прочелъ нашу шутку «какъ-разъ наоборотъ»... Но если мы вспомнимъ, какъ часто г. Плехановъ понимаетъ «какъ-разъ наоборотъ» и совершенно серьезныя вещи, то мелочь эта станетъ очень характерной для нашего критика.

Вотъ кстати и примѣръ: «Герценъ объявилъ подобное отдѣленіе и устраненіе (хорошаго отъ дурного въ про-

шломъ русскаго народа, — И.-Р.) совершенно невозможными, — говоритъ г. Плехановъ. — И онъ же долженъ былъ признать ихъ не только возможными, но прямо необходимыми для осуществленія его программы. Г. Ивановъ-Разумникъ, конечно, не замѣчаетъ этой ошибки, общей Герцену со славянофилами. Мало того, онъ видитъ въ этой ошибкѣ преимущества народничества передъ славянофильствомъ» (VII, 87). Такъ утверждаетъ г. Плехановъ. А теперь позвольте привести небольшую цитату изъ критикуемой нашимъ марксистомъ книги: «вѣра въ такую возможность (принимать благодѣтельные дары цивилизаціи и отбросить дары губительные, — И.-Р.) была дѣйствительно необоснованной, и въ этомъ ошибка всѣхъ народниковъ, начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ... ..Положеніе это было главной фатальной ошибкой народничества» (т. II, стр. 147—148). Вотъ, не угодно ли: написано — «главная ошибка народничества», а г. Плехановъ читаетъ — «преимущество народничества»; ошибка народничества мною подчеркивается, а г. Плехановъ увѣряетъ, что «г. Ивановъ-Разумникъ, конечно (конечно!), не замѣчаетъ этой ошибки»... Ахъ, г. Плехановъ, вѣдь вы не только наоборотъ понимаете, но даже и читаете совершенно, такъ сказать, наоборотъ! Пока вы продѣлываете это на мелочахъ — не бѣда: добывайте себѣ, на здоровье, углеродъ изъ хлора! Но не лучше ли воздержаться отъ такой неудобной привычки, когда дѣло идетъ о болѣе серьезныхъ вопросахъ? *).

* На стр. 87-й своей статьи г. Плехановъ, какъ мы видѣли, заявилъ, что «г. Ивановъ-Разумникъ не замѣчаетъ этой ошибки» Герцена; а на стр. 106-ой — цитируетъ мои слова именно объ этой ошибкѣ Герцена: «въ этомъ ошибка всѣхъ народниковъ, начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ» (см. выше). Жаль, замѣчаетъ г. Плехановъ, что эти золотыя слова такъ поздно подвернулись подъ перо автора, — иначе-де онъ замѣтилъ бы, «что ошибка Герцена была совершенно тождественна ошибкѣ Михайловскаго» (VII, 106). Помилосердствуйте, г. Плехановъ: вѣдь ровно шестью строками выше вы сами переписали мои слова объ этой ошибкѣ всѣхъ народниковъ,

Однако довольно. Общій характеръ полемическихъ диверсій нашего критика достаточно уже выясненъ всѣмъ предыдущимъ; а такъ какъ и въ послѣдующемъ мы еще не одинъ разъ встрѣтимъ повтореніе подобныхъ же полемическихъ приѣмовъ, то тѣмъ болѣе необходимо покончить пока со всѣми этими мелочами. Намъ ждутъ теперь два главныхъ подвига г. Плеханова: совершенное искаженіе имъ воззрѣній Чернышевскаго и, разумѣется, еще въ болѣе степени — Михайловскаго. Вотъ это дѣйствительно большіе вопросы, и на нихъ мы остановимся подробно.

VIII.

«Я не имѣю рѣшительно никакой возможности оцѣнить по ихъ высокому достоинству всѣ драгоценныя перлы, разсыпанные г. Ивановымъ-Разумникомъ въ главѣ о Чернышевскомъ» — заявляетъ г. Плехановъ (VII, 102). А потому онъ выбираетъ изъ этой главы только нѣкоторыя, наиболѣе яркіе «перлы» — вы понимаете, конечно: перлы бессмыслицы, безграмотности, невѣжества и т. п., — и подносить ихъ въ соотвѣтственной оправѣ своимъ читателямъ, отмѣчая попутно, какъ слѣдуетъ понимать Чернышевскаго *sub specie marxismi*. Послѣдуемъ же за нашимъ марксистомъ.

Г. Плехановъ очень оскорбленъ тѣмъ, что романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» я назвалъ «намѣренно-лубочнымъ произведеніемъ». Конечно, г. Плехановъ сейчасъ же заявляетъ, что, во-первыхъ, «Ист. русск. общ. мысли» есть произведеніе лубочное, и что, во-вторыхъ, авторъ этой книги «одаренъ отъ природы поистинѣ лубочнымъ вкусомъ»... (VII, 96). Это обычное «самъ съѣшь» разгнѣваннаго марксиста меня такъ мало задѣваетъ, что

«начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ!» Прямо феноменальная забывчивость!..

я готовъ сдѣлать моему критику удовольствіе и еще разъ повторить: да, романъ Чернышевскаго есть намѣренно-лубочное произведеніе. Повидимому, моему разгнѣванному критику непонятно выраженіе «намѣренная лубочность»; что же, я готовъ ему это объяснить простѣйшими примѣрами. Масса бездарныхъ художниковъ изъ года въ годъ заваливаетъ картинныя выставки хламомъ своихъ «лубочныхъ» произведеній, и въ то же время немногіе талантливые художники — на примѣръ, Е. Полѣнова, М. Добужинскій, И. Билибинъ — дали и даютъ намъ красочные образцы «намѣренно лубочнаго» стиля. Многія стихотворенія талантливейшихъ поэтовъ являются великолѣпными образцами «намѣренной лубочности», а многія вирши гражданскихъ поэтовъ — хотя бы, на примѣръ, того «поэта-марксиста» М. М., надъ которымъ когда-то смѣялся Михайловскій — произведенія просто лубочныя. Прелестная опера Римскаго-Корсакова «Сказка о царѣ Салтанѣ» — произведеніе намѣренно-лубочное, а оперы какого-нибудь Леонковалло — произведенія просто лубочныя. Понятно ли все это, мой разгнѣванный критикъ?

Но критикъ продолжаетъ гнѣваться. Теперь онъ оскорбленъ за Маркса, теперь онъ негодуетъ на слѣдующія мои слова: «и Марксъ и Чернышевскій — оба заимствовали свое опредѣленіе капитала у Рикардо, причемъ Марксъ, подѣ влияніемъ Родбертуса, нѣсколько видоизмѣнилъ, а Чернышевскій заимствовалъ почти буквально» («Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 11). Во-первыхъ — сердится г. Плехановъ — Родбертусъ не имѣлъ никакого вліянія на Маркса, а во-вторыхъ, Чернышевскій взялъ опредѣленіе капитала не у Рикардо, а у Милля и у старыхъ буржуазныхъ экономистовъ (VII, 101). Что касается вліянія Родбертуса на Маркса, то это вопросъ, имѣющей, какъ вѣроятно извѣстно г. Плеханову, цѣлую литературу и pro и contra, а потому вполне возможно, что здѣсь мы не сойдемся съ г. Плехановымъ. Что же касается вопроса о томъ, отъ кого взялъ Чернышевскій опредѣленіе «капитала», то здѣсь

г. Плехановъ ломится въ открытую дверь: самъ Чернышевскій указываетъ, что его опредѣленіе капитала идетъ еще отъ А. Смита (Чернышевскій, Собр. сочин., т. VII, стр. 135). Могу увѣрить моего критика, что это мнѣ извѣстно; но кромѣ того мнѣ извѣстно еще и нѣчто другое, а именно, что въ своихъ Комментаріяхъ къ Миллю Чернышевскій былъ подѣ сильнымъ вліяніемъ Рикардо. «Капиталъ» онъ опредѣляетъ словами Рикардо, принимаетъ и его теорію ренты, принимаетъ и его теорію цѣнности, изъ которой вышелъ также и Марксъ. Все это, конечно, хорошо извѣстно г. Плеханову — вѣдь это же область его специальности; но ему нужно защищать Маркса, который слишкомъ великъ, чтобы нуждаться въ защитѣ г. Плеханова.

Не менѣе негодуетъ нашъ марксистъ и на то, что социализмъ Чернышевскаго я осмѣлился назвать «реальнымъ социализмомъ». Какъ извѣстно, марксисты различаютъ два вида социализма: «научный социализмъ» — это марксизмъ, и «утопическій социализмъ» — это весь остальной социализмъ. Коротко и ясно. Что такое утопическій социализмъ? — *Tout le socialisme moins les marxistes*, — смѣло отвѣчаютъ марксисты въ стилѣ аббата Сийеса. А такъ какъ Чернышевскій не былъ марксистомъ, то слѣдовательно онъ былъ представителемъ утопическаго социализма. Мы не держимся этой наивной терминологіи, такъ какъ и въ марксизмѣ видимъ утопическіе элементы, и въ утопическомъ социализмѣ видимъ элементы реалистическіе. Мы думаемъ, что реальный социализмъ полагается на социальныя силы народа, а утопическій социализмъ — на социальныя свойства націи; утопическій социализмъ вѣрится въ реформу сверху, съ высоты отвлеченныхъ теорій, а реальный социализмъ знаетъ, что жизнь никогда не уложится въ теорію. Вотъ почему вѣра Герцена въ антимѣщанскія свойства русскаго народа была утопизмомъ, а мысль Чернышевскаго, что народъ самъ освободитъ себя — проявленіемъ реализма; вотъ почему «научный

прогнозъ» марксизма, втискивающей жизнь въ рамки теории, является въ значительной степени проявленіемъ утопизма, а отношеніе марксизма къ социальнымъ силамъ народа—характернымъ примѣромъ реального социализма. И когда г. Плехановъ называетъ Чернышевскаго типичнымъ утопистомъ за то, что онъ возлагалъ свои надежды не на «объективную логику дѣйствительности», а на «субъективную логику людей», то я позволю себѣ въ видѣ примѣра замѣтить нашему марксисту, что Герценъ возлагалъ свои надежды именно на «объективную логику вещей» (анти-мѣщанство, какъ свойство русскаго народа) и что именно въ этомъ былъ его утопизмъ. Вѣдь весь вопросъ именно и заключается въ томъ, насколько вѣрно «субъективная логика людей» оцѣниваетъ и понимаетъ «объективную логику вещей»; можно опираться на столь любезныя марксистамъ «противорѣчія дѣйствительности», но понимать ихъ настолько невѣрно, что въ результатѣ «научный социализмъ» впадаетъ въ типично утопическія построения, въ теоретичность, въ произвольность. Примѣромъ можетъ служить хотя бы марксистская Zusammenbruchstheorie, или теорія о «скачкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы»: это не менѣе утопично, чѣмъ герценовская вѣра въ анти-мѣщанство русскаго народа.

Слѣдуемъ далѣе за «критикой» г. Плеханова. Онъ касается вопроса объ отношеніи экономическаго либерализма къ личности и дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, которое мы приведемъ полностью: «Кстати, неужели г. Ивановъ-Разумникъ воображаетъ, будто кто-нибудь изъ буржуазныхъ экономистовъ отказался бы признать, что цѣль правительства—польза индивидуальнаго лица, что государство существуетъ для блага отдѣльнаго лица и т. д. Если да, то онъ жестоко ошибается. Каждый изъ этихъ экономистовъ обѣими руками подписался бы подъ этими положеніями. Дѣло было не въ томъ, что буржуазные противники Чернышевскаго не признавали ихъ,—за что

нашъ авторъ и долженъ былъ бы поставить ихъ «въ одинъ рядъ съ величайшими представителями индивидуализма». Дѣло было въ томъ, что буржуазные экономисты отстаивали такой общественный порядокъ, при которомъ эти положенія превращались въ пустую фразу. Вотъ тутъ-то и билъ ихъ Чернышевскій. Но нашъ авторъ и этого «не замѣтилъ». Въ этомъ случаѣ его, какъ кажется, сбиль съ толку Спенсеръ со своей теоріей общества-организма» (VII, 102—103).

Вотъ видите, какъ опредѣленно сказано. Сперва въ формѣ вопроса: «неужели г. Ивановъ-Разумникъ воображаетъ... и «если да, то»...; а въ концѣ—уже прямое утвержденіе, что слона-то я и «не замѣтилъ» (ядовитыя кавычки г. Плеханова), и даже указаніе, что меня «сбилъ съ толку» Спенсеръ... А теперь обратите вниманіе на слѣдующее мѣсто изъ «Исторіи русск. общ. мысли»: Чернышевскій, говорю я, въ статьѣ «Экономическая дѣятельность и законодательство» (не въ ней одной, конечно) ясно высказалъ, что экономическій либерализмъ не есть экономическій индивидуализмъ. «Они утверждаютъ,—говоритъ Чернышевскій про буржуазныхъ экономистовъ,—что кто желаетъ прямого участія законодательства въ опредѣленіи экономическихъ отношеній, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизма общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому...; эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности»... «Изложивъ далѣе теорію laissez faire, laissez aller,—продолжаю я,—Чернышевскій приводитъ ее къ абсурду послѣдовательнымъ развитіемъ ея же основныхъ началъ; онъ доказываетъ, что система эта «въ теоріи ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а на практикѣ служитъ оправданіемъ для реакціоннаго терроризма... Мы недовольны теоріею невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ

эта теорія, что приводитъ къ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію... («Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 30—31). Не цитирую больше, такъ какъ тогда пришлось бы переписать еще цѣлыя страницы (см., напр., *ibid.*, т. II, стр. 140—141 и др.), но и приведеннаго выше достаточно для того, чтобы осудить по заслугамъ критическій приѣмъ г. Плеханова: онъ, ничтоже сумняся, мимъ же добромъ бьетъ мнѣ челомъ и храбро заявляетъ, что я «не замѣтилъ» какъ разъ того, о чемъ подробно и не одинъ разъ говорится въ моей книгѣ. Кто же изъ насъ и чего «не замѣтилъ», г. Плехановъ? И кто же это столь нелюбезно сбилъ васъ съ толку? Не Спенсеръ, надѣюсь?

Но все это только цвѣточки. До сихъ поръ нашъ марксистъ «не замѣчалъ», не понималъ или понималъ «какъ разъ наоборотъ» мнѣнія и мысли пишущаго эти строки—и я охотно извиняю ему это; въ дальнѣйшемъ же онъ позволяетъ себѣ прилагать такой же приѣмъ къ мыслямъ и мнѣніямъ Чернышевскаго—и это уже непростительно. Отношеніе Чернышевскаго къ общинѣ—вотъ вопросъ, который г. Плехановъ рѣшаетъ настолько «помарксистски», что глазамъ своимъ не вѣришь—до такой степени искажается при этомъ центральная мысль Чернышевскаго. И вотъ почему мы долго остановимся на этомъ пунктѣ и рѣшимся даже полностью переписать цѣлую страницу изъ критики г. Плеханова; надо, наконецъ, обратить вниманіе на то невѣроятное толкованіе мыслей и словъ Чернышевскаго, которое уже не въ первый разъ проповѣдуется г. Плехановымъ.

IX.

Не въ первый разъ производитъ нашъ марксистъ эту свою операцію надъ Чернышевскимъ: онъ впервые сдѣлалъ это въ своей старой статьѣ начала девяностыхъ го-

довъ (см. въ сборникѣ статей г. Бельтова-Плеханова: «За двадцать лѣтъ» 1905 г., стр. 405), повторялъ въ другихъ статьяхъ и замѣткахъ (см. № 1 журнала «Соціалъ-демократъ» за 1905 годъ), повторяетъ и теперь, въ разбираемой нами статьѣ. Въ чемъ же заключается столь упорно выставляемое г. Плехановымъ положеніе? Оно касается статьи Чернышевскаго «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія». Дѣло въ томъ, что нашъ марксистъ долгое время «не замѣчалъ» первыхъ страницъ этой статьи, а потомъ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ замѣтилъ, понялъ ихъ и сдѣлалъ свое открытіе, о которомъ идетъ рѣчь. Открытіе заключалось въ томъ, что Чернышевскій-де со времени этой своей статьи измѣнилъ свой взглядъ на общину и сталъ считать ее вредною для народнаго благосостоянія.. И это подтверждается словами самого Чернышевскаго, какъ-разъ первыми страницами его вышеназванной статьи.. Слушайте:

«Статья «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» доказываетъ,—пишетъ г. Плехановъ,—что страны, въ которыхъ сохранилось общинное владѣніе, могутъ, минуя фазисъ индивидуальной собственности, сразу перейти въ фазисъ собственности социалистической. И она доказываетъ это поистинѣ блестящимъ образомъ. Но она доказываетъ это именно вообще, въ отвлеченномъ смыслѣ, но не примѣнительно къ Россіи. Что же касается Россіи, то судьба общины въ ней, какъ видно, уже тогда представлялась Чернышевскому совершенно безнадежной. Въ этомъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть внимательно первые три страницы знаменитой статьи. Чернышевскій говоритъ тамъ:

«Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою поднялъ я вопросъ объ общинномъ владѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ,— скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ» (Соч. Чернышевскаго, т. IV, стр. 304).

«Почему же? Потому ли, что противники обнаружили предъ Чернышевскимъ слабость его аргументаціи? Нѣтъ.

«Напротивъ, говоритъ Чернышевскій, со стороны успѣха именно этой защиты я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу» (ibid., стр. 306). «Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ:

«Какъ ни важенъ представляется мнѣ (продолжаетъ Чернышевскій) вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствию простора» (ibid., стр. 306).

«Вотъ этихъ-то низшихъ гарантій и не видѣлъ Чернышевскій въ тогдашней Россіи,—заключаетъ г. Плехановъ.—Тѣ конкретныя условія, среди которыхъ суждено было развиваться русской общинѣ, были до такой степени неблагоприятны для нея, что невозможно было ожидать ея непосредственнаго перехода въ высшую фазу общественнаго владѣнія землей. Она становилась вредной для народнаго благосостоянія. А потому нелѣпо было защищать ее. И потому же стыдился Чернышевскій того, что онъ выступилъ на ея защиту.

«Отсюда слѣдуетъ (это все еще продолжаетъ г. Плехановъ), что ссылаться въ свою пользу на статью «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» народники и субъективисты не имѣли ни малѣйшаго права. Напротивъ, она должна была бы вызывать въ нихъ довольно непріятныя представленія. Они должны были бы сказать себѣ: если Чернышевскій сты-

дился самого себя потому, что онъ защищалъ русскую общину въ концѣ 50-хъ годовъ, то колыми паче сталъ бы онъ стыдиться насъ, требующихъ отъ полицейскаго государства «закрѣпленія общины» въ 70-хъ, 80-хъ и даже 90-хъ годахъ. Задалъ бы онъ намъ, еслибъ жестокая судьба не удалила его съ литературной сцены.

«Народники не говорили себѣ этого, такъ какъ они совѣмъ не были расположены вдумываться въ первыя страницы статьи «Критика философскихъ предубѣжденій». Не говоритъ этого своему читателю и г. Ивановъ-Разумникъ»... (VII, 103—105).

Такъ говоритъ г. Плехановъ. Посмотримъ же теперь, чего онъ не говоритъ своему читателю.

Когда была написана Чернышевскимъ эта его статья «Критика философскихъ предубѣжденій»? Въ концѣ 1858 года. Вотъ моментъ, начиная съ котораго Чернышевскій сталъ «стыдиться самого себя» за то, по мнѣнію г. Плеханова, что выступилъ на защиту русской общины; начиная съ этого момента, Чернышевскій понялъ, что въ виду неблагоприятныхъ конкретныхъ условій русской жизни община «становилась вредной для народнаго благосостоянія; а потому нелѣпо было защищать ее»... Чернышевскій понялъ это въ концѣ 1858 года — понялъ и устыдился самъ себя... Запомнимъ это и пойдемъ дальше.

Въ то самое время, когда Чернышевскій писалъ эту свою статью, въ которой стыдился своей былой защиты общиннаго владѣнія въ современной ему Россіи и признавалъ эту общину вредной для народнаго благосостоянія,—въ это самое время Чернышевскій написалъ письмо къ Герцену, а въ немъ—свое знаменитое воззваніе къ русской молодежи: «умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало!» Вы видите, такимъ образомъ, что Чернышевскій признавалъ общину вредной для народнаго благосостоянія—въ «Современникѣ», а въ «Колоколѣ» онъ въ то же самое время призывалъ русскую молодежь умереть

за это вредное для народа начало!.. Тутъ какъ будто что-то не такъ, и читатели г. Плеханова, вѣроятно, не мало смущены такимъ пассажемъ... Но этотъ пассажъ, къ довершенію всего, не является случайнымъ: въ концѣ 1858 года Чернышевскій окончательно устыдился самъ себя и призналъ общинное землевладѣніе вреднымъ для Россіи, и тутъ же, немедленно сталъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ статьяхъ (1859 — 1862 г. продолжать свою прежнюю защиту общины, доказывать ея пользу для современной ему Россіи. Этого г. Плехановъ не говоритъ своимъ читателямъ. Въ № 7 «Современника» за 1859 годъ, въ библиографіи журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу, Чернышевскій попрежнему отстаиваетъ русскую общину, полемизируя съ нѣкимъ Тернеромъ; въ № 10 за тотъ же годъ, въ статьѣ «Суевѣріе и правила логики», онъ снова отстаиваетъ общину, но при этомъ снова подчеркиваетъ, что стыдится какихъ-то былыхъ своихъ подвиговъ, «не можетъ не краснѣя вспоминать» о нихъ. Какіе же это подвиги? Ужъ вѣрно не отстаиваніе русской общины, которую Чернышевскій продолжаетъ отстаивать въ этой же самой статьѣ! И позднѣе, въ 1860 и 1861 году, Чернышевскій продолжаетъ стоять на прежней точкѣ зрѣнія на русскую общину; въ заключительныхъ строкахъ (1861 г.) своего комментированнаго перевода Милля онъ снова повторяетъ свои исконныя мысли и требуетъ «законодательнаго охраненія» общины. Можно привести еще десятки и десятки цитатъ изъ статей Чернышевскаго 1859 — 1861 г., и во всѣхъ нихъ будетъ все то же отстаиваніе русской поземельной общины, и ни въ одной не будетъ подтвержденія невѣроятной теоріи г. Плеханова. И въ то же время Чернышевскій все болѣе и болѣе «стыдится» былыхъ своихъ «подвиговъ», не можетъ вспоминать о нихъ «не краснѣя»; впервые это и высказано имъ на первыхъ страницахъ «Критики философскихъ предубѣжденій».

Какіе же это «подвиги»? Чего «стыдится» Чернышев-

скій? Почему восклицаетъ онъ: «какъ я былъ глупъ!»? Это осталось совершенно непонятнымъ г. Плеханову; онъ принялъ à la lettre всѣ восклицанія Чернышевскаго, рѣшилъ, что Чернышевскій призналъ общину вредной и стыдился ея былой защиты... Трудно вѣрить, что на этомъ можетъ настаивать человекъ, имѣющій хоть небольшое понятіе объ исторіи общественныхъ теченій шестидесятихъ годовъ... Дѣлать нечего, приходится объяснить г. Плеханову въ чемъ тутъ было дѣло *).

Чего «стыдился» Чернышевскій? — «Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это какъ могу», — отвѣчаетъ самъ Чернышевскій. Отчего же это ему «трудно объяснить»? Трудно, конечно, лишь по внѣшнимъ, цензурнымъ условіямъ, потому что причина «стыда» Чернышевскаго лежитъ въ области роста политическаго сознанія отъ 1856 до 1861 года. Когда Чернышевскій впервые выступилъ съ рядомъ статей въ защиту общиннаго землевладѣнія (это было въ 1856 году), — между обществомъ и правительствомъ не было еще расхожденія. Общество вѣрило въ благія начинанія правительства, въ широту великой реформы — освобожденія крестьянина. Въ 1857 г. это отношеніе еще продолжалось, несмотря на нерѣшительныя дѣйствія правительства, на его колебанія, на его непослѣдовательность. Когда въ концѣ 1857 года появились знаменитые рескрипты (отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г.), то въ «либеральномъ» лагерѣ было всеобщее ликованіе; а въ то время почти все прогрессивное русское общество стояло въ рядахъ «либерализма». Чернышевскій радовался и умилялся вмѣстѣ со всѣми, вѣрилъ въ возможность коренной реформы сверху и не отставалъ въ проявленіи своихъ чувствъ отъ самыхъ пылкихъ либераловъ. Просмотрите его «Замѣтки о журналахъ» 1856 — 1857 г. — и вы увидите, какъ Чернышев-

*) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ: «Общественныя и умственныя теченія шестидесятихъ годовъ», — «Ист. русск. литер. XIX в.», изд. «Міръ», т. III.

скій, пережившій черную полосу 1848 — 1855 гг., восхищался «кроткимъ и правосуднымъ правленіемъ Александра II», какъ онъ возлагалъ «непоколебимыя надежды на счастливыя судьбы русскаго народа», ибо онѣ составляютъ «предметъ заботъ и желаній нашего Монарха, любящаго Свой народъ и любимаго имъ»... («Современникъ», 1856 г., № 9). Въ 1857 году Чернышевскій менѣе экспансивно выражаетъ свои восторги—онъ видитъ медлительность и нерѣшительность правительства; онъ начинаетъ возлагать надежды не на благія намѣренія высокопоставленныхъ лицъ, а на «главную движущую силу жизни» той эпохи—экономическое развитіе («Современникъ», 1857 г., № 11). Но какъ-разъ въ это время появляются рескрипты отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г.—объ открытіи Губернскихъ Комитетовъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ; этимъ положено начало освобожденія крестьянъ. Въ самомъ началѣ 1858 года Чернышевскій пишетъ статью «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», эпиграфомъ къ которой беретъ слова: «возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой».. («Современникъ», 1858 г., № 2).

И вдругъ, въ концѣ того же самага 1858 года Чернышевскій пишетъ покаянныя первыя страницы «Критики философскихъ предубѣжденій». Что случилось? Въ серединѣ 1858 г. случился быстрый, но давно назрѣвавшій переходъ лѣваго крыла русскаго общества въ оппозицію, сперва умѣренную, а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе рѣзкую, революціонную. Совершалась дифференціація русскаго общества шестидесятихъ годовъ на разныя политическія группы; былой, наивный, всеобщій либерализмъ отжилъ свое время. Въ серединѣ 1858 года окончательно опредѣляется демократическое и социалистическое направленіе «Современника»; Добролюбовъ рѣзко разрываетъ съ «либералами» на извѣстномъ обѣдѣ въ память Бѣлинскаго 6 іюня 1858 г.; «Современникъ» начинаетъ безпощадно высмѣивать многоглаголаніе либераловъ, ихъ безпочвен-

ныя надежды, ихъ вѣру въ реформу свыше. Чернышевскій безповоротно отказывается отъ этой вѣры, отъ мысли о возможности провести освобожденіе крестьянъ въ полномъ размѣрѣ—съ достаточнымъ количествомъ общинной земли и безъ отягощенія выкупными платежами. Что было тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который заставилъ Чернышевскаго и его группу покончить всѣ счеты съ былыми упованіями и надеждами? Этимъ толчкомъ было окончательно опредѣлившееся направленіе бюрократическаго творчества и первые практическіе шаги Губернскихъ Комитетовъ въ серединѣ того же 1858 года. Сразу выяснилась безповоротность двухъ главныхъ пунктовъ приближавшейся реформы: громадность выкупной суммы и нищенскіе надѣлы. При этихъ условіяхъ даже община не можетъ спасти крестьянство отъ разоренія, — думалъ Чернышевскій. А если такъ, то пусть лучше реформы совсѣмъ не будетъ, пусть лучше остается крѣпостное право: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Тогда, быть можетъ, реформа не будетъ дана въ урѣзанномъ видѣ сверху, а будетъ взята и добыта снизу, въ полномъ своемъ объемѣ. Такъ перешелъ Чернышевскій на революціонный путь и продолжалъ идти по нему все дальше и дальше до самага конца своей короткой дѣятельности.

Въ автобіографическомъ романѣ «Прологъ пролога», написанномъ Чернышевскимъ уже въ Сибири, мы найдемъ яркую обрисовку этихъ мыслей Чернышевскаго послѣ его разрыва съ либерализмомъ. «Толкуютъ: освободимъ крестьянъ, — говоритъ герой этого романа, Волгинъ, въ лицѣ котораго Чернышевскій хотѣлъ дать свой портретъ.— Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: стануть освобождать. Что выйдетъ? — самъ судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло выйдетъ мерзость... Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею!—вотъ хвастуны-

то, вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то!» *). И, стоя на такой точкѣ зрѣнія, Волгинъ-Чернышевскій склоняется къ теоріи «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»: «пусть дѣло объ освобожденіи крестьянъ будетъ передано въ руки людямъ помѣщичьей партіи. Разница не велика»... Съ нимъ спорятъ: «изъ-за чего идетъ борьба между прогрессистами и помѣщичьей партіей? Изъ-за того, съ землею или безъ земли освободить крестьянъ. Это колоссальная разница». — «Нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная, — отвѣчаетъ Волгинъ. — Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее у человѣка, но взять съ него плату за нее — все равно... Выкупъ — та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли.

— Я не ждалъ услышать отъ васъ это, — сказалъ Соколовскій **): — вы говорите, какъ человѣкъ помѣщичьей партіи.

— Вопросъ поставленъ такъ, — вяло отвѣчалъ Волгинъ: — поэтому я и не интересуюсь имъ.

— Чего же вы хотѣли бы? Освобожденія съ землею безъ выкупа? Это невозможно.

— Я и говорю: вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ-за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне»... (Чернышевскій, Собр. соч., т. X, ч. I; «Прологъ пролога», стр. 91, 163—164 и др.).

Если читателю извѣстно все это, то онъ легко пойметъ и три первыхъ страницы «Критики философскихъ предубѣждений», неопытная г. Плехановымъ. Чернышев-

*) Чернышевскій относитъ этотъ разговоръ къ осени 1857 года; въ дѣйствительности онъ могъ происходить только осенью 1858 г., когда Чернышевскій-Волгинъ разошелся во взглядахъ съ «либералами» — Кавелинымъ (Рязанцевъ) и другими «эмансипаторами».

**) Подъ именемъ Соколовскаго выведенъ Сѣраковскій, офицеръ-полякъ (о немъ см. въ перепискѣ Плещеева), впоследствии убитый во время возстанія 1863—64 гг.

скій не вѣритъ больше въ реформу сверху; онъ стыдится своихъ былыхъ увлеченій, своихъ дирижированныхъ правительству, своего «легкомыслія» по вопросу объ освобожденіи и по вопросу объ общинѣ. Точно тутъ въ общинѣ дѣло! — говоритъ Чернышевскій: — вѣдь все дѣло въ освобожденіи безъ выкупа или съ самымъ небольшимъ выкупомъ: «на предположеніи этихъ двухъ условій была основана та горячность, съ какою я выставлялъ общинное владѣніе необходимымъ довершеніемъ гарантій благосостоянія» (ibid., т. IV, стр. 307). Но теперь надежды эти рухнули — а если такъ, то и община ничему не поможетъ; если такъ, то хоть обезземеливайте крестьянъ — хуже не будетъ... «Какъ бы то ни было, но пошло въ ходъ глупымъ образомъ начатое мною дѣло объ общинномъ владѣніи. Не все смотрятъ на него съ тѣмъ чувствомъ отвращенія и негодованія, какое внушаетъ оно мнѣ теперь, по разрушеніи надеждъ, въ которыхъ было начато мною. Теперь, я уже сказалъ, я желалъ бы, быть можетъ, чтобы все оно пропало»... (ibid.; подчеркнуто нами). А такъ какъ все равно оно «пропастъ» не можетъ, то Чернышевскій — «дѣлать нечего» — участвуетъ въ его дальнѣйшемъ веденіи (ibid.) и все-таки продолжаетъ отстаивать общину, а не обезземеливаніе и не частную земельную собственность. И тутъ же, сознавая свою былую «глупость» и «стыдись» ея, онъ восклицаетъ (въ письмѣ къ Герцену): «умрите за общинное начало!»

А теперь перечтите тѣ цитаты, которыя сдѣлалъ изъ статьи Чернышевскаго г. Плехановъ, перечтите слова самого г. Плеханова — и вы увидите, до какой степени «наоборотъ» понялъ Чернышевскаго нашъ марксистъ. Это *plus ultra* пониманія навыворотъ. «Община становилась вредной для народнаго благосостоянія!» «Чернышевскій стыдился самого себя потому, что онъ защищалъ русскую общину въ концѣ 50-хъ годовъ!» — Вѣдь это же крайній предѣлъ непониманія! Бюрократическая реформа сверху — вотъ что становилось вреднымъ для народнаго

благосостоянія; своей былой вѣры въ эту реформу—вотъ чего «стыдился» Чернышевскій. «Мы увлекались, да увидѣли, что насъ дурачили»,—такъ характеризовалъ Чернышевскій (въ 1861 г.) періодъ своего либерализма; вотъ почему восклицалъ онъ: «какъ я былъ глупъ!». А г. Плехановъ съ неподражаемымъ простодушіемъ увѣряетъ, что Чернышевскій устыдился своей защиты русской общины! Еще бы, помилуйте: самъ Чернышевскій заявляетъ, что съ отвращеніемъ и негодованіемъ смотритъ на начатое имъ дѣло объ общинномъ владѣніи!

Эта душевная невинность нашего марксиста до того меня трогаетъ, что я, въ pendant ему, хочу открыть еще два совершенно новыхъ и никѣмъ раньше не замѣченныхъ основныхъ воззрѣнія Чернышевскаго. Вотъ первый пунктъ: въ романѣ «Прологъ пролога» Соколовскій угорвариваетъ Волгана добиваться уничтоженія тѣлеснаго наказанія розгами и шпигтрутенами, а Волгинъ-Чернышевскій отвѣчаетъ: «...я не хочу помогать вашему проекту. Я не желаю, чтобы дѣлались реформы, когда нѣтъ условий, необходимыхъ для того, чтобы реформы производились удовлетворительнымъ образомъ»... (op. cit., стр. 121). Слово въ слово то самое, что и объ освобожденіи крестьянъ съ землею въ общинномъ владѣніи! И если въ послѣднемъ случаѣ это означало, что Чернышевскій признаетъ русскую общину «вредной для народнаго благосостоянія», то въ случаѣ только-что указанномъ это означаетъ — эврика! — что по мнѣнію Чернышевскаго отмѣна розги тоже вредна для народнаго благосостоянія! Удивительно, какъ никто раньше этого не замѣтилъ! И чего смотрѣлъ г. Плехановъ? — А вотъ и пунктъ второй: если въ концѣ 1858 года Чернышевскій сознался въ своей «глупости» за защиту имъ русской общины и если г. Плехановъ съ умиленнымъ простодушіемъ понялъ это текстуально, то позвольте мнѣ принять за чистую монету и слѣдующее «сознаніе» Чернышевскаго — на этотъ разъ ужъ не въ «глупости», а въ «измѣнѣ народу». Въ первомъ

изъ знаменитыхъ «Писемъ безъ адреса» (т.-е. писемъ къ Александру II) Чернышевскій говоритъ о самомъ себѣ: «...я понимаю, что дѣлаю: я измѣняю народу!! Да, я измѣняю своему убѣжденію и своему народу. Это низко»... и т. д. (Собр. соч., т. X, ч. II, стр. 295). Это «сознаніе» говоритъ само за себя: Чернышевскій въ началѣ 1862 года «измѣнилъ народу» и перешелъ на сторону бюрократіи, — какъ этого «не замѣтилъ» г. Плехановъ, удивляюсь! Странно, правда, что за эту «измѣну народу» Чернышевскаго скоро посадили въ крѣпость, а затѣмъ держали двадцать лѣтъ въ Сибири; странно—но что подѣлаешь! Вѣдь это не болѣе странно, чѣмъ то необъяснимое обстоятельство, что только-что признавъ въ одной статьѣ русскую общину «вредной для народнаго благосостоянія», Чернышевскій тѣмъ же перомъ и тѣми же чернилами тутъ же написалъ другую статью, въ которой восклицалъ: «умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало».

Вотъ сколько новыхъ открытій ad usum г. Плеханова! Чернышевскій—сторонникъ сохраненія розги и Чернышевскій—измѣнникъ народу: это открытіе не меньшей цѣнности, чѣмъ невѣроятное открытіе г. Плеханова о Чернышевскомъ—противникъ русской общины! Г. Плехановъ выпускаетъ въ настоящее время въ свѣтъ свою новую толстую книгу о Чернышевскомъ sub specie marxismi: неужели же мы не найдемъ въ ней всѣхъ этихъ трехъ новыхъ точекъ зрѣнія на Чернышевскаго?!

Я позволилъ себѣ сказать, что г. Плехановъ искажилъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ міровоззрѣнія Чернышевскаго; полагаю, что это теперь достаточно подтверждено неоспоримыми данными. Но если даже обликъ Чернышевскаго былъ такъ грубо искаженъ въ зеркалѣ мар-

ксистской истины, то можно себя представить, что получилось в этом зеркале от мировоззрения Михайловского! Весь хваленый «объективизм» нашего марксиста сразу сошел на нить, лишь только речь зашла о «субъективизме»! Отнести к Михайловскому пристрастие и несправедливе г. Плеханова—довольно мудрено; как видно, г. Плеханов и до сих пор еще злобствует на него, сводит с ним старые полемические счеты... А казалось бы, можно с большей вдумчивостью остановиться перед еще свежей могилой и безпристрастнее оценить последнего из ряда великих русских публицистов XIX века.

Но г. Плеханов не хочет воздать должное своему бывшему противнику; он силится смотреть на него сверху вниз, несмотря на то, что их взаимное положение как раз обратное... Он заявляет, что Чернышевский был «по крайней мере на три головы» выше Михайловского, что мировоззрение Михайловского было «страшным понижением» уровня русской общественной мысли по сравнению с уровнем начала сороковых годов и—договорим за г. Плеханова—с уровнем девяностых годов. Последнее само собой разумеется: чем ниже Михайловский, тем выше г. Плеханов, чем слабее и ошибочнее народничество, тем сильнее и истиннее марксизм. Но именно потому нашему марксисту и следовало, хотя бы из чувства личного достоинства и самоуважения, скорее переоценить, чем недооценить Михайловского. А он вместо этого занялся измерением роста... Я сильно опасаюсь однако, как бы г. Плеханов не оказался «по крайней мере на три головы» ниже того человека, на которого он столь тщетно пытается смотреть сверху вниз...

Но оставим в стороне все эти партийные счеты; Михайловский выше их. И тем хуже для г. Плеханова, если он не хочет или не умеет воздать должное своему бывшему противнику: этим он себя не возвеличит

Обратимся лучше к той критике, которой г. Плеханов в тысячу первый раз подвергает «субъективизм» Михайловского с высоты своего объективного величия. «...В чем заключается главная отличительная черта субъективизма?»—спрашивает г. Плеханов, обращаясь за ответом к «Истории русск. общ. мысли», и приводит ответ: «субъективизм есть признание телеологизма в социологии». Если г. Плеханов пожелал обратиться за ответом к моей книге, то он должен был привести полный ответ на поставленный им вопрос, а не замалчивать две трети ответа. На страницах 175—187 второго тома своей книги я подробно говорю о том, что «субъективизм» Михайловского характеризуется тремя главными отличительными чертами—применением к социологии телеологизма, категории справедливости и категории возможности: «эти три стороны главным образом и определяют собой субъективизм Михайловского» (т. II, стр. 179; см. еще стр. 184 и др.). Кажется, это достаточно ясно сказано; отчего же наш критик умалчивает о двух из этих трех сторон? Причина простая: о категории справедливости, о применении этики к социологии он молчит потому, что ему слишком памяты те удары критики, которые испытал на себе марксизм за отрицание этого применения. Именно в этой области субъективизм Михайловского одержал полную победу над марксизмом; именно в этой области марксисты стали в конце концов растерянно отмалчиваться на все возражения—характерные примеры этого приводятся в моей книге (напр., т. II, стр. 381—384). И г. Плеханов предпочитает не упоминать об этом щекотливом вопросе; не думаю, чтобы эта тактика замалчивания могла помочь марксизму. Молчит г. Плеханов также и о применении к социологии категории возможности, характерном для «субъективизма». Причина тоже простая: вся дальнейшая критика г. Плеханова построена на смешении понятий детерминизма и фата-

лизма; его возраженія не могли бы имѣть мѣста, если бы онъ обратилъ вниманіе свое и читателей на то положеніе субъективизма, что «въ социологіи примѣнима не только категория необходимости, но и категория возможности» (ibid., т. II, стр. 176). Таковы приемы критики нашего марксиста. Что прикажете дѣлать съ людьми, которые не то что не могутъ понять, а просто не хотятъ понять, не хотятъ даже услышать, и, заткнувъ пальцами уши, кричатъ по-фамусовски: «не слушаю! подъ судъ! подъ судъ!»

Читатель видитъ, до какой степени «не объективно» (мягко говоря) поступаетъ нашъ объективный социологъ съ ненавистнымъ ему «субъективизмомъ»: онъ на двѣ трети замалчиваетъ его. Такъ и быть, оставимъ въ сторонѣ то, о чемъ «не говорить» г. Плехановъ; посмотримъ, что же онъ «говорить» о субъективизмѣ. Вотъ его главный доводъ: субъективизмъ противопоставляетъ субъективныя стремленія людей объективному ходу общественнаго развитія, а это «просто-напросто нелѣпо», ибо первыя обуславливаются вторымъ. «Другими словами, ошибка субъективизма, — какъ и всякаго утопизма вообще, — заключается въ томъ, что онъ, смотря на сознательную дѣятельность людей, какъ на причину общественнаго развитія, не понимаетъ того, что прежде чѣмъ стать его причиной, дѣятельность эта по необходимости должна явиться его слѣдствіемъ» (VII, 109 и 114). Нѣтъ, Михайловскій хорошо понималъ эту старую истину, но кромѣ того онъ понималъ еще и другую, недоступную сознанию господъ объективныхъ социологовъ: онъ понималъ, что, будучи слѣдствіемъ общественнаго развитія, сознательная дѣятельность людей въ свою очередь неизбежно является причиной его. Между объективнымъ ходомъ общественнаго развитія и субъективными стремленіями людей имѣется не простое одностороннее дѣйствіе, а взаимодействие, и отрицать это — «просто-напросто нелѣпо»...

Но тутъ нашъ марксистъ выставляетъ слѣдующую неотразимую дилемму: «или субъективныя стремленія социологовъ противорѣчатъ объективному ходу общественнаго развитія и тогда такому социологу не суждено видѣть свои стремленія осуществленными; или же его субъективныя стремленія опираются на объективный ходъ общественнаго развитія и выражаютъ его собой, и тогда социологу нѣтъ ни малѣйшей надобности становиться на особую субъективную точку зрѣнія по той простой причинѣ, что тогда субъективное совпадаетъ съ объективнымъ» (VII, 109). Пусть такъ; намъ осталось только узнать этотъ единый и неизбежный «объективный ходъ общественнаго развитія». Марксисты и даютъ намъ его въ своемъ «научномъ прогнозѣ», увѣренные въ его фатальности. Блаженны вѣрующіе — и такими вѣрующими фаталистами всегда были ортодоксальные марксисты; они не видѣли возможности разнопричинности тождественныхъ слѣдствій, возможности того, что одно и то же слѣдствіе можетъ быть результатомъ различныхъ причинныхъ рядовъ (см. объ этомъ въ «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 366—367). Это значитъ, иными словами, что остается непровергнутой возможность различныхъ путей объективнаго хода общественнаго развитія, остается непровергнутымъ примѣненіе категории возможности къ социологіи. Все наше отношеніе къ живымъ вопросамъ общественности покоится на этомъ непровергнутомъ — ибо непровержимомъ — положеніи; наша практика исходитъ изъ этой теоріи *). А если такъ, то и неотразимая дилемма г. Плеханова рѣшается совсѣмъ просто: да, мои субъективныя стремленія или противорѣчатъ, или не противорѣчатъ объективному ходу развитія; но какъ быть, если этотъ «объективный ходъ» можетъ направиться по двумъ путямъ? Марксисты вѣрятъ, что путь этотъ только

*) См. послѣднія страницы предыдущей статьи «Жизнь и теорія» (выше, стр. 102—107).

единъ и что они стоятъ на немъ — въ этомъ вѣдь и заключается абсолютная марксистская истина; эта вѣра марксизма въ свой «научный прогнозъ» умилительна, но не общеобязательна, это не наука, а религія. Въ области же науки мы здѣсь вплотную подошли къ ряду глубочайшихъ философскихъ проблемъ — о детерминизмѣ, о свободѣ воли, о категоріи возможности и т. п.; разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ г. Плехановъ совершенно безсиленъ, такъ какъ стоитъ на почвѣ наивной матеріалистической философіи.

Мнѣ незачѣмъ подробно останавливаться на вопросѣ: что же лежитъ въ основѣ этого расхожденія марксистскаго «объективизма» съ народническимъ «субъективизмомъ»? Читатели знаютъ, что въ основѣ этого расхожденія лежитъ различное отношеніе къ человѣческой личности. Анти-индивидуалистическая теорія марксизма и индивидуалистическая концепція народничества не примиримы и не соединимы; выборъ между ними дѣлается бессознательно и на психологической почвѣ. Читатель знаетъ, что для насъ личность есть высшая точка человѣческаго міровоззрѣнія и всемірной исторіи; отношеніе же марксизма къ личности достаточно извѣстно. Спорить тутъ не о чемъ; тутъ надо только установить фактъ расхожденія.

Но когда отъ этого общаго положенія споръ переходитъ на частные вопросы, то тутъ уже нельзя оставлять безъ вниманія явныя искаженія и намѣренныя или ненамѣренныя извращенія. Мы уже видѣли, что г. Плехановъ дѣйствительно искажилъ центральную мысль Чернышевскаго; мы вынуждены теперь показать, до какой степени «наоборотъ» понимаетъ нашъ критикъ Михайловскаго. И, къ сожалѣнію, при этомъ безспорно выясняется, что искаженіе это является явно намѣреннымъ.

Рѣчь идетъ о синтезѣ «соціализма» и «политики» во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ народовольцами вообще и Михайловскимъ въ особенности. Какъ извѣстно,

Михайловскій сначала отрицательно относился ко всякимъ политическимъ реформамъ, полагая, что буржуазная конституція можетъ ухудшить положеніе народа; свобода и права, конечно, желательны, но — «да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности расчитаться съ долгами (народу), но еще увеличатъ ихъ!» Такъ восклицалъ Михайловскій (въ 1873 году) и высказывалъ этимъ завѣтнѣйшую мысль всего современнаго ему народничества. Но скоро онъ созналъ свою ошибку; онъ понималъ, что, отстраняясь отъ политической борьбы, социалисты только способствуютъ развитію буржуазіи; уже въ 1876 году Михайловскій твердо сталъ на эту точку зрѣнія, къ которой вскорѣ склонилось почти все народничество. Въ первыхъ нумерахъ «Народной Воли» за 1879 г. Михайловскій имѣлъ возможность ясно и открыто высказать эту свою мысль, отъ которой впоследствии никогда не отказывался (См. обо всемъ этомъ «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 109 — 111, 114 — 116 и др.).

Все это общеизвѣстно. Но вотъ г. Плеханову хочется доказать, что и въ восьмидесятыхъ годахъ Михайловскій стоялъ на своей первоначальной точкѣ зрѣнія. Это онъ доказываетъ двумя путями. Первый — ссылка на статью г. Николадзе «Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго» («Былое», 1906 г., № 9). Г. Николадзе рассказываетъ, что когда онъ — дѣло было въ 1882 году — въ разговорѣ съ Михайловскимъ выразилъ изумленіе, что народовольцы въ своихъ переговорахъ со Священной Дружиной предъявляютъ лишь «требованія узко-соціалистическаго характера, безъ политической подкладки», то Михайловскій будто бы отвѣтилъ, что партія теперь убѣдилась, что политическія реформы поведутъ къ упроченію во власти буржуазіи и что это будетъ не прогрессъ, а регрессъ (loc. cit., стр. 255—256). «Нечего сказать, превосходный синтезъ соціализма и политики!» — иронически комментируетъ это г. Плехановъ. Нечего сказать, превосходный способъ критики! Имѣя

передъ собою десятокъ томовъ сочиненій Михайловскаго, г. Плехановъ обращается къ статьѣ г. Николадзе. Онъ забываетъ при этомъ сообщить своимъ читателямъ, что сама редакція «Былого» дважды подчеркиваетъ крайнюю субъективность этой статьи; онъ забываетъ при этомъ обратить вниманіе на воспоминанія самого Михайловскаго и его отзывъ о г. Николадзе (напечатано въ № 54 «Революціонной Россіи» и перепечатано въ «Быломъ», 1907 г., № 9, стр. 212). Если даже и допустить, что память не измѣнила г. Николадзе и что Михайловскій дѣйствительно произнесъ приписываемую ему фразу, то это еще несколько не рѣшаетъ вопроса, почему Михайловскій могъ сказать это г. Николадзе, которому онъ «не особенно довѣрялъ» (ibid.). Все это надо принять во вниманіе, прежде чѣмъ позволять себѣ судить обо всемъ этомъ.

Но главное: вѣдь отъ Михайловскаго намъ осталось богатое литературное наслѣдство, въ которомъ г. Плехановъ можетъ искать подтвержденія своей невѣроятной мысли о томъ, что Михайловскій не признавалъ «синтеза социализма и политики». И г. Плехановъ пытается сдѣлать это. Онъ переписываетъ изъ статьи Михайловскаго (1873 года!) большую цитату, заканчивающуюся извѣстнымъ намъ «проклятіемъ» правамъ и свободѣ,—и заключаетъ: «этотъ „синтезъ“ такъ хорошъ, что теперь рѣшительно не стоитъ вдаваться въ его критику» (VII, 116). Да, дѣйствительно, не стоитъ, такъ какъ самъ Михайловскій три-четыре года спустя призналъ, какъ мы знаемъ, ошибочность этой своей мысли; это не мѣшаетъ ей оставаться яркимъ, рѣзкимъ и характернымъ выраженіемъ міровоззрѣнія семидесятыхъ годовъ. Но г. Плеханову хочется доказать, что и въ восьмидесятыхъ годахъ Михайловскій держался своего прежняго ошибочнаго взгляда. «Достаточно сказать одно,—заявляетъ онъ;—Михайловскій уже значительно позже, въ «Литературныхъ замѣткахъ» 80-хъ годовъ, съ гордостью вспоминалъ этотъ свой „синтезъ“ и снова формулировалъ его такъ...» (VII, 116). И

г. Плехановъ цитируетъ слѣдующія слова Михайловскаго: «свобода великая и соблазнительная вещь, но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличитъ нашъ вѣковой долгъ народу... Я твердо знаю, что (сказавъ это) выразилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей нашего времени»...

Странная вещь, непонятная вещь! Неужели же дѣйствительно Михайловскій, въ 1876—1878 г. увидѣвшій свою былую ошибку отрицанія «политики», теперь, два года спустя, снова впадаетъ въ свою прежнюю ошибку? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стоитъ только перечитать «инкриминируемую» Михайловскому его статью въ т. IX «Отечественныхъ Записокъ» за 1880 годъ (Собр. соч., т. IV, стр. 940—952). Перечтите—и вы увидите, въ чемъ заключается легкомысленная передержка г. Плеханова. Въ этой статьѣ Михайловскій подводитъ итогъ міровоззрѣнію семидесятыхъ годовъ; вспоминаетъ онъ и о своей старой формулѣ, такъ ярко характеризующей эту эпоху. Тутъ-то и встрѣчается та фраза, первую половину которой привелъ г. Плехановъ: «я твердо знаю, что выразилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей нашего времени; ту именно, которая придаетъ семидесятымъ годамъ оригинальную фizioномію и ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшныя, неисчислимыя жертвы, о чемъ впрочемъ говорить еще рано»... (Собр. соч., т. IV, стр. 949). И далѣе Михайловскій переходитъ къ разсказу о томъ, какъ и почему создалось такое воззрѣніе: «наше дѣло вотъ какъ происходило»,—начинаетъ разсказывать онъ. Вы понимаете, что теперь, въ 1880 году, все это для Михайловскаго—уже исторія, общіе контуры которой онъ мастерски набрасываетъ въ этой своей статьѣ. А г. Плехановъ убѣждаетъ своихъ читателей, что Михайловскій говоритъ здѣсь не о прошломъ, а о настоящемъ, о восьмидесятыхъ годахъ!

Что это: незнаніе или намѣренное искаженіе мыслей былого противника? Конечно, не незнаніе, такъ какъ г.

Плехановъ, какъ видимъ, знаетъ эту статью 1880 года. Если же онъ не знаетъ этого (допустимъ!), то ужъ зато, конечно, знаетъ статьи Михайловскаго въ «Русскомъ Богатствѣ» конца девяностыхъ годовъ, въ эпоху жаркой полемики Михайловскаго съ марксистами, въ томъ числѣ и съ г. Плехановымъ; эти статьи г. Плехановъ, конечно, знаетъ гораздо лучше, не такъ ли? Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ напомнить про небольшой урокъ, данный Михайловскимъ одному изъ марксистскихъ критиковъ — бойкому, небездарному, но крайне поверхностному Евгению Соловьеву (Андреевичу). Этотъ марксистскій критикъ цитировалъ тѣ же самыя, что и г. Плехановъ, слова Михайловскаго о долгѣ народу, о проклятіи правамъ и свободѣ — и тоже находилъ, подобно г. Плеханову, что этотъ «синтезъ» Михайловскаго такъ хорошъ, что заслуживаетъ только насмѣшекъ. Отвѣчая ему, Михайловскій приводитъ рядъ цитатъ изъ своей статьи 1873 года и замѣчаетъ по поводу ихъ: «ахъ, это очень молодо, и тѣ же семидесятые годы научили меня многому — см., напримѣръ, замѣтки 1880 г., Сочиненія IV, 952. (Здѣсь Михайловскій ссылается на ту самую статью, которую мы цитировали выше и которая извѣстна г. Плеханову. — И.-Р.). Но вѣдь это написано четверть вѣка назадъ, напечатано сначала въ журналѣ и перепечатано четыре раза въ изданіяхъ сочиненій. Какой же конструкціи лобъ надо имѣть, чтобы по поводу именно этой статьи утверждать...» — то, что утверждалъ слишкомъ развязный Е. Соловьевъ (см. «Русское Богатство» 1899 г. № 10). Послѣ этого прошло еще десять лѣтъ; и теперь г. Плехановъ не желаетъ замѣчать того, что было уже не четыре, а шесть разъ перепечатано въ сочиненіяхъ Михайловскаго по вопросу о синтезѣ политики и социализма. Какъ думаетъ г. Плехановъ, не повторилъ ли бы теперь Михайловскій свой прежній вопросъ о «конструкціи лба», но только въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ? Я этого не повторю, но скажу только: да будетъ г. Плеханову стыдно.

Въ заключеніе — вторая, не менѣе любопытная параллель. Какой-то фельетонистъ казенной газеты «Россія», озлобленно разбирая въ рядѣ фельетоновъ (1907 г.) мою книгу и въ частности мою критику Михайловскаго, заявилъ: «г. Ивановъ-Разумникъ старается доказать, что въ этой области («мнимой научности и дремучей идейности») онъ умнѣе покойнаго Михайловскаго. Но, повидимому, въ этой области «умнѣе» — неумѣстно. Возможенъ только одинъ вопросъ: кто глупѣе?» — Г. Плехановъ повторяетъ то же самое, nur mit ein bischen anderen Worten: «г. Ивановъ-Разумникъ, — говоритъ онъ, — могъ только перепутать то, что было и безъ того запутано въ утопическихъ построеніяхъ Михайловскаго» (VII, 113). Какъ видите, это все тотъ же вопросъ: «кто глупѣе?» Долженъ признаться, что такая постановка вопроса является для меня незаслуженно лестной: если г. Плехановъ и фельетонистъ «Россіи» хотятъ поставить меня по «глупости» и «запутанности» рядомъ съ Михайловскимъ, то я чувствую себя болѣе, чѣмъ удовлетвореннымъ...

Сотрудника «Россіи» — самъ Богъ проститъ; но какъ же не стыдно г. Плеханову писать о Михайловскомъ весь тотъ вздоръ, который такъ обильно разсыпанъ въ главкѣ, посвященной этому большому писателю?

XI.

По-марксистски расправившись съ Михайловскимъ, г. Плехановъ переходитъ къ апологіи марксизма. Ортодоксальный марксизмъ есть система абсолютной истины; и хотя Энгельсъ когда-то утверждалъ, что «діалектическая философія» марксизма на всемъ видитъ печать неизбежнаго паденія и что устоять передъ нею не можетъ ничто — но, разумѣется, это не относится къ марксизму, который именно и есть та діалектическая философія, передъ которой ничто не устоитъ... О чемъ же тутъ спорить? Нашъ

марксистъ поэтому обходитъ мимо все общіе вопросы моей критики марксизма и останавливается лишь на частныхъ вопросахъ—объ общинѣ, о «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», о Zusammenbruchs и Verelendungstheorie и т. д. При этомъ онъ обвиняетъ меня въ искаженіи марксизма, въ недобросовѣстномъ къ нему отношеніи и тому подобныхъ преступленіяхъ...

Прежде чѣмъ отвѣчать на это по существу, отмѣчу мимоходомъ слѣдующее курьезное обстоятельство: спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія разбираемой нами статьи г. Г. Плеханова, въ томъ же журналѣ появилась рецензія нѣкоего г. Г. П. на мою книгу «О смыслѣ жизни»—рецензія, подобно статьѣ г. Г. Плеханова, очень неблагоклонная. Подобно г. Г. Плеханову, г. Г. П. крайне недоволенъ и изложеніемъ и содержаніемъ моей книги, но въ то же время такъ аттестуетъ пишущаго эти строки: «авторъ—трудолюбивый и добросовѣстный писатель, и долженъ же онъ понимать, что...» («Совр. Миръ», 1909 г., № 3, стр. 132). Чтò я долженъ понимать—это намъ здѣсь неинтересно, а интересно вотъ что: кому же вѣрить? Почтенному г. Г. Плеханову, который обвиняетъ меня въ недобросовѣстности, или не менѣе, надѣюсь, почтенному г. Г. П., который тогда же и на страницахъ того же журнала столь лестно именуетъ меня «добросовѣстнымъ писателемъ»?

Но это только къ слову: конечно, г. Г. Плехановъ не отвѣтствененъ за мнѣнія г. Г. П., а г. Г. П. въ свою очередь можетъ писать нѣчто діаметрально-противоположное тому, чтò пишетъ г. Г. Плехановъ; но все-таки любопытно, насколько мнѣнія людей могутъ расходиться... А теперь оставимъ въ сторонѣ лестную для меня аттестацію г. Г. П. о моей добросовѣстности и обратимся къ г. Г. Плеханову, который негодуетъ на мою недобросовѣстность въ очень нелестныхъ выраженіяхъ. Замѣчу кстати, что и г. А. Луначарскій, слѣдуя по стопамъ г. Г. Плеханова, обвиняетъ меня въ шуллерствѣ, недобросо-

вѣстности, чудовищно-наглою лжи и прочихъ милыхъ преступленіяхъ по отношенію къ марксизму. Tantaene animis marxistibus irae! Я еще не теряю однако надежды, что какъ послѣ такихъ же обвиненій г. Г. Плеханова меня оправдалъ нѣкій г. Г. П., такъ и послѣ брани г. А. Луначарскаго меня, быть можетъ—сладкая надежда!—похвалитъ какой-нибудь г. А. Л... Но если даже эта лестная надежда и не осуществится, то все же я могу только съ улыбкой сожалѣнія смотрѣть на всю эту кучу брани, выдвинутую господами Г. Плехановымъ и А. Луначарскимъ вмѣсто аргументовъ. Оба моихъ Юпитера сердятся, но не опровергають. Приведа изъ «Ист. русск. общ. мысли» цитату, относящуюся къ марксистской теоріи «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», г. Плехановъ замѣчаетъ: «безполезно оспаривать это, но полезно обратить на это вниманіе для характеристики г. Иванова-Разумника» (VI, 122). И г. Луначарскій повторяетъ вслѣдъ за г. Плехановымъ чуть ли не слово въ слово: «спорить съ этимъ, доказывать, что это безпардонное вранье—совершенно бесполезно» (273). Это очень грубо сказано—но вѣдь зато же это и вѣрно сказано: да, господа, вамъ «совершенно бесполезно» спорить съ этимъ «безпардоннымъ враньемъ»—безполезно потому, что мнѣ очень легко доказать истинность своихъ утвержденій.

Главный вопросъ здѣсь въ томъ—какъ построена въ «Исторіи русск. общ. мысли» глава объ ортодоксальномъ марксизмѣ? А построена она на основаніи слѣдующихъ соображеній, которыя я считаю вѣрными и въ настоящее время. Послѣ крупныхъ именъ Герцена, Чернышевскаго, Лаврова, Михайловскаго—именъ, характеризующихъ и опредѣляющихъ собою цѣлыя направленія русской общественной мысли,—появился рядъ почтенныхъ, но сравнительно мелкихъ именъ, сумма которыхъ характеризовала собою большое по значенію теченіе марксизма. Гг. Бельтовы-Плехановъ, Ленинъ-Ильинъ, П. Струве, М. Туганъ-Барановскій, Л. Аксельродъ, П. Масловъ, М. Филипповъ

и многіе иные въ суммѣ характеризуютъ собою русскій марксизмъ девяностыхъ годовъ. Нѣкоторые изъ нихъ потомъ ушли отъ марксизма, а изъ оставшихся наиболѣе крупнымъ и талантливымъ несомнѣнно былъ и остается г. Плехановъ (что отмѣчено и въ моей книгѣ). Но, конечно,—не настолько крупнымъ и не настолько талантливымъ, чтобы имъ однимъ можно было характеризовать весь русскій марксизмъ, чтобы вмѣсто главы «Девяностые годы» можно было въ «Исторіи русск. общ. мысли» помѣщать главу «Плехановъ». А потому мнѣ пришлось, говоря о марксизмѣ, взять своего рода средній типъ ортодоксальнаго марксиста, какимъ онъ сложился въ моемъ пониманіи послѣ добросовѣстнаго (апеллирую къ мнѣнію г. Г. П...) изученія марксистскихъ журналовъ, книгъ и брошюръ той эпохи. Утверждаю, что вся глава «Исторіи русск. общ. мысли» о марксизмѣ построена на данныхъ, почерпнутыхъ мною главнымъ образомъ изъ статей «Новаго Слова», «Начала», «Жизни», «Научнаго Обзорѣнія» — марксистскихъ журналовъ девяностыхъ годовъ, гдѣ подъ псевдонимами писалъ и самъ г. Плехановъ.

Правда, такой процессъ своего рода «интегрированія» марксизма отъ «Новаго Слова» до «Искры», черезъ всѣ иногда безконечно-малыя статьи и статейки, является дѣломъ довольно затруднительнымъ вслѣдствіе массы взаимныхъ противорѣчій, которыми былъ такъ богатъ марксизмъ девяностыхъ годовъ именно изъ-за отсутствія одного большого, центрального писателя. Тутъ приходилось выбирать наиболѣе общій взглядъ, не обращая вниманія на частныя противорѣчія. Позволю себѣ привести одинъ примѣръ, случайно подвернувшійся подъ руку. Въ «Исторіи русск. общ. мысли» вы найдете слѣдующую фразу: «мы не придаемъ никакого вѣса кассандровскимъ пророчествамъ (марксистовъ) о грядущей скорой гибели русской внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи» (т. II, стр. 520). По поводу этой фразы одинъ изъ мало

замѣтныхъ марксистовъ (г. Кранихфельдъ) полемизируетъ съ авторомъ, считая, что авторъ навязываетъ марксистамъ «невообразимую чепуху»... «Гдѣ и когда,—спрашиваетъ онъ,— гдѣ и когда ортодоксальные русскіе марксисты пророчили русской (внѣсословной и внѣклассовой—И.-Р.) интеллигенціи быстрое увяданіе и умираніе? Гдѣ и когда сопоставляли они судьбу интеллигенціи съ судьбами русской общины? Гдѣ и когда строили они тѣ «поистинѣ удивительные силлогизмы», которые имъ приписываетъ Ивановъ-Разумникъ?—Нигдѣ и никогда, долженъ будетъ отвѣтить намъ самъ авторъ этой игривой выходки. Вѣдь онъ, такъ добросовѣстно точно цитирующій чужія слова (еще разъ добросовѣстность!—И.-Р.), такъ старательно сопровождающій каждую взятую имъ цитату ссылкой на соответствующаго автора и даже на страницу—здѣсь, въ интерпретаціи марксистской позиціи, даже не намекнулъ о томъ, отъ кого онъ могъ слышать весь этотъ вздоръ». Это напечатано на 38-ой страницѣ февральскаго тома журнала «Современный Миръ» за 1908 годъ. А на страницахъ 84—95 той же книги того же года и того же журнала помѣщена статья другого марксиста (г. Иорданскаго) подъ заглавіемъ «Кризисъ интеллигенціи»; въ статьѣ этой доказывается именно та мысль, что внѣклассовая русская интеллигенція самимъ ходомъ вещей обречена на увяданіе и умираніе. Итакъ, второй марксистъ высказываетъ именно то самое, что первый марксистъ полусотней страницъ выше называлъ «вздоромъ» и «невообразимой чепухой»... Какъ тутъ быть бѣдному будущему историку? Правда, оба эти марксиста — не то что *dii minimi*, а просто незамѣтно малыя величины во всемъ теченіи русскаго марксизма; но все же правъ-то вѣдь только кто-нибудь одинъ изъ нихъ! Выборъ сдѣлать не трудно: г. Иорданскій выражаетъ очень распространенный взглядъ марксистовъ на интеллигенцію, а г. Кранихфельдъ, считающій этотъ взглядъ «вздоромъ» и «невообразимой чепухой», занимаетъ совершенно оди-

нокую позицію, которая представитъ интересъ только для будущаго біографа и истолкователя твореній г. Кра-нихфельда... А все-таки любопытная картина: одинъ марксистъ спрашиваетъ—гдѣ и когда марксисты пророчили гибель русской интеллигенціи, гдѣ и когда они говорили такую «невообразимую чепуху», а другой марксистъ тамъ же и тогда же пророчитъ русской интеллигенціи скорую гибель... Маленькое недоразумѣніе двухъ сотрудниковъ одного журнала.

Итакъ, читатель видитъ, какимъ путемъ дѣлается выборъ общаго взгляда, характеризующаго марксизмъ, независимо отъ частныхъ противорѣчій отдѣльныхъ мелкихъ представителей марксизма. Я не намѣренъ въ настоящей статьѣ доказывать правильность такого отбора, произведеннаго въ «Исторіи русск. общ. мысли» надъ цѣлымъ рядомъ частныхъ вопросовъ; но я готовъ, если пожелаетъ г. Плехановъ, взять любой вопросъ—напримѣръ, вопросъ о «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», якобы столь невѣрно освѣщенный въ моей книгѣ — и доказать путемъ обращенія къ журнальной марксистской литературѣ девяностыхъ годовъ, что мною правильно выбрана изъ ряда марксистскихъ мнѣній та равнодѣйствующая, которая характеризуетъ собою весь марксизмъ. Конечно, г. Плехановъ можетъ пожелать, чтобы я характеризовалъ марксизмъ инымъ путемъ—путемъ изученія мнѣній и мыслей одного его, г. Плеханова; вѣдь общая тенденція критическихъ статей этого писателя можетъ быть выражена формулой «marxisme—c'est moi», ибо всѣхъ марксистовъ, несогласныхъ съ нимъ, нашъ авторъ не желаетъ признавать настоящими марксистами: русскій марксизмъ это г. Плехановъ съ немногими подобными ортодоксами. Но читателю извѣстно, почему мы держимся иного мнѣнія и не считаемъ возможнымъ замѣнить главу о девяностыхъ годахъ главою о г. Плехановѣ.

Итакъ, повторяю: если г. Плехановъ выразитъ желаніе, то я готовъ ему доказать указаннымъ выше путемъ

правильность своей характеристики марксизма. Читатели тогда будутъ имѣть случай убѣдиться, что если гг. Плехановъ и Луначарскій вкупѣ и влюбѣ говорятъ: «безпардонное вранье», то это надо читать: «истина». Неужели же и наоборотъ? Это было бы очень печально для марксистской истины... А что иногда дѣло обстоитъ именно такъ, въ этомъ читатель сейчасъ убѣдится.

Г. Плехановъ встрѣтилъ въ «Исторіи русск. общ. мысли» слѣдующую фразу: ортодоксальный марксизмъ опирался на «перевернутаго вверхъ ногами Гегеля» (т. II, стр. 447). Эта фраза возмутила нашего марксиста и онъ замѣчаетъ по ея поводу: «любопытны критическіе приемы... г. Иванова-Разумника. Ортодоксальный марксизмъ опирается у него на перевернутаго вверхъ ногами Гегеля. Приписавъ марксизму столь «шаткую» опору, онъ съ удовольствіемъ констатируетъ потомъ, что марксизмъ рухнулъ внизъ отъ легкаго толчка. Откуда же взялся перевернутый вверхъ ногами Гегель? Марксъ говорилъ, что діалектика Гегеля даетъ въ общихъ чертахъ вѣрное изображеніе процесса развитія дѣйствительности, но, благодаря своему идеалистическому характеру, переворачиваетъ его вверхъ ногами. Поэтому необходимо перевернуть это изображеніе, поставить его на ноги, т.-е. сдѣлать діалектику материалистической. Такова была мысль Маркса. Кто не соглашается съ ней, разумѣется имѣетъ полное право критиковать ее. Но нашъ авторъ предпочелъ ограничиться извращеніемъ этой мысли: онъ перевернулъ ее вверхъ ногами и написалъ, что марксизмъ опирался на перевернутаго вверхъ ногами Гегеля. Я уже сказала, — заканчиваетъ г. Плехановъ изысканной любезностью, — что неразуміе обнаруживаетъ подчасъ тоже порядочную хитрость»... (VII, 124). Вотъ вамъ примѣръ обвиненія пишущаго эти строки въ «извращеніи», въ «неразумной хитрости», въ «безпардонномъ враньѣ» и проч., и проч.; за марксистскую истину вступается г. Плехановъ и возстановляетъ извращенную мною мысль Маркса. Пре-

красно. А теперь позвольте миѣ привести слѣдующія слова Энгельса: «діалектика понятій (въ марксизмѣ) сама становилась лишь сознательнымъ отраженіемъ діалектическаго движенія вѣшняго міра. Вмѣстѣ съ этимъ гегелевская діалектика была перевернута на голову, а лучше сказать на ноги, такъ какъ на головѣ стояла она прежде»... Какъ «лучше сказать»—въ этомъ мы разойдемся съ марксистами; но не ясно ли зато, что моя фраза о перевернутомъ вверхъ ногами Гегелѣ, фраза, которую г. Плехановъ считаетъ возмутительнымъ извращеніемъ, является почти текстуально словами Энгельса! Энгельсъ говоритъ: «гегелевская діалектика была перевернута на голову», я говорю о «перевернутомъ вверхъ ногами Гегелѣ», а г. Плехановъ возмущается, что я извращаю мысли марксистовъ! Какъ прикажете это назвать? Мое «безпардонное вранье» оказалось истиной; но чѣмъ же оказалась въ такомъ случаѣ марксистская «истина»?..

Я охотно извинилъ бы г. Плеханова тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ—какъ это ни невѣроятно—не знаетъ вышеприведенныхъ словъ Энгельса: вѣдь лучше незнаніе, чѣмъ завѣдомо ложное обвиненіе противника. Но къ величайшему своему сожалѣнію я лишенъ возможности сдѣлать такое хоть слегка извиняющее моего критика допущеніе, и вотъ по какой причинѣ: приведенныя выше слова Энгельса взяты мною изъ его брошюры *L. Feuerbach und der Ausgang des klassischen Philosophie* въ переводѣ на русскій языкъ самого г. Плеханова... *).

ХІІ.

Пора, однако, и распрощаться съ г. Плехановымъ. Отвѣтить подробно на его критику было необходимо, а

*) «Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ». Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. В. Плеханова. Изд. «Всеобщей бібліотеки» Г. О. Львовича. Спб. 1906 г., стр. 62.

столковаться мы съ нимъ все равно не столкнемся: слишкомъ различны наши исходныя точки. Но это не мѣшаетъ намъ, сторонникамъ «субъективизма», относиться объективно къ противнику и видѣть не только его слабыя, но и его сильныя стороны. Такой сильной стороной г. Плеханова всегда была область вопросовъ соціально-политическихъ; методологическій приѣмъ марксизма и даже марксистскія шоры въ этой области являлись вполне умѣстными. Зато слабая сторона г. Плеханова—эти же шоры, этотъ же приѣмъ въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ областямъ, а также и та его «философія», которая приводитъ къ такимъ плачевнымъ результатамъ не одного нашего критика, но и весь марксизмъ. Объ этой «философіи» мы и скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ.

«Философія» ортодоксальнаго марксизма—это перевернутый вверхъ ногами Гегель, это «діалектическій матеріализмъ» Энгельса; вотъ «законъ и пророки» г. Плеханова, который, разъ увѣровавъ въ Энгельса, такъ и остался до сихъ поръ въ такой позиціи. И онъ твердо увѣренъ, что эта «философія» — послѣдняя, окончательная, вѣчная истина, «единственно правильная философія» (VII, 126); онъ не подозреваетъ, что философія и близко не подошла около марксистской истины... Нашъ марксистъ соглашается съ тѣмъ, что въ «философской... литературѣ къ матеріализму Энгельса-Маркса относятся теперь совершенно отрицательно», но онъ утѣшаетъ себя той мыслью, что вся современная немарксистская («идеалистическая») философія «во всемъ цивилизованномъ мірѣ представляетъ собой философію буржуазіи временъ упадка», а потому,—заявляетъ г. Плехановъ, — «я горжусь тѣмъ, что мои философскіе взгляды не нравятся декадентамъ философіи»... (VII, 126).

Вотъ вамъ примѣръ марксистскихъ шоръ, марксистской истины: философія есть надстройка на экономическомъ фундаментѣ; на почвѣ буржуазно-капиталистической можетъ вырасти только «философія буржуазіи»... Какое

печальное непонимание сущности вопроса! Поймите, наконец, что все философских истин вы измѣряете своимъ экономическимъ аршиномъ! Вѣдь это все равно какъ если бы мы сказали: система Коперника выросла на почвѣ феодализма время унадка, а потому мы гордимся тѣмъ, что отрицаемъ эту систему! Поймите же, наконецъ, что вопросъ объ истинности той или иной системы лежитъ совершенно въ иномъ измѣреніи, чѣмъ вопросъ объ ея происхожденіи! Вотъ еще наглядный примѣръ: мы знаемъ, что Михайловскій считалъ дарвинизмъ типично буржуазнымъ растеніемъ *), но развѣ это является аргументомъ въ пользу истинности или неистинности дарвинизма? Эти аргументы мы должны искать не въ области социологии, а въ области биологии; пусть дарвинизмъ дѣтище буржуазіи, но развѣ это умаляетъ его научное значеніе? Неужели возможно, вмѣсто аргументовъ, ограничиваться безсильнымъ восклицаніемъ: «что добраго изъ Виолема!»? Неужели же есть «буржуазная» и «пролетарская» истина въ наукѣ и философіи?

Все это трузизмы, которые совѣстно повторять, до того все это элементарно, но вѣдь марксисты и до сихъ поръ не понимаютъ всей этой элементарщины. Они не понимаютъ, что одна страница «буржуазной философіи» не то что Канта (далеко до Канта!), а какого-нибудь профессора Александра Введенскаго — по своему философскому значенію перевѣшиваетъ всю «пролетарскую философію» Энгельса-Маркса вмѣстѣ взятую. Прочтите хотя бы крошечную послѣднюю брошюрку только-что названнаго профессора: «Новое и легкое доказательство философскаго критицизма» (Спб. 1909 г.)—и посмотрите, до чего безпомощно-дѣтскимъ покажется вамъ послѣ нея «пролетарско-философское» лепетанье хотя бы г. Плеханова... Послѣдній не можетъ даже понять, даже поставить тѣ вопросы, которые составляютъ центръ тяжести современ-

*) См. выше, стр. 18—20 и «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 157—162.

ной «буржуазной философіи». А вѣдь г. Плехановъ—самый крупный представитель русскаго ортодоксальнаго марксизма...

До какихъ глубинъ непониманія доходила и доходитъ эта «пролетарская философія», видно хотя бы изъ знаменитаго утвержденія Энгельса, что философскія положенія кантіанства «лучше всего разбиваются... самой практикой, т.-е. опытомъ и промышленностью. Мы можемъ доказать правильность нашего (материалистическаго) пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что мы сами его вызываемъ, порождаемъ его изъ его условій и заставляемъ его служить нашимъ цѣлямъ»... (Энгельсъ, *op. cit.*, стр. 42—43). Это по заслугамъ высмѣянное критиками юмористическое «возраженіе» всецѣло принимаетъ и г. Плехановъ; онъ пытается оправдать злосчастную фразу Энгельса, объяснить ее. Онъ говоритъ: занимаясь промышленностью, я долженъ производить продукты, а производя ихъ, я заставляю кантовскую «вещь въ себѣ» дѣйствовать на мое «я» и такимъ образомъ познаю свойства непознаваемаго (*ibid.*, стр. 118). Вотъ Кантъ и опровергнутъ! Центральный вопросъ критической философіи именно объ этомъ «дѣйствіи», т.-е. объ отношеніи субъекта къ объекту, рѣшенъ, какъ видите, въ четырехъ-пяти строкахъ... Нашъ марксистъ, повидимому, и не подозреваетъ, что выставленное имъ противъ кантіанства «возраженіе» (примѣненіе категоріи причинности къ вещи въ себѣ) имѣетъ цѣлую философскую литературу, въ которой—увы!—возраженія Энгельса и г. Плеханова даже и не упоминаются... Философія идетъ себѣ впередъ и возраженій г. Плеханова совѣмъ не примѣчаетъ! *).

Вотъ почему такъ курьезно видѣтъ «гордость» г. Плеханова по тому поводу, что его «философскіе взгляды»

*) Мнѣ уже приходилось однажды упоминать о книгѣ И. Лапина «Законы мышленія и формы познанія»; пусть хотя бы изъ нея г. Плехановъ почерпнетъ свѣдѣнія объ отношеніи категорій, формъ созерцанія и оцущеній къ «вещамъ въ себѣ».

«не нравятся» философамъ. Это курьезно потому, что на «философскіе взгляды» г. Плеханова и всего ортодоксальнаго марксизма никто изъ философовъ не обращаетъ ровно никакого вниманія! Г. Плехановъ дивитъ свой только муравейникъ; вся «марксистская философія» относится всецѣло къ области той семейной литературы, которая совершенно не интересна для всѣхъ прочихъ смертныхъ. А потому всѣ эти «воинствующие матеріализмы» г. Плеханова («materialismus militans»—заглавіе его статей) бьютъ по пустому мѣсту: никто съ нимъ не сражается, никто его не замѣчаетъ. Гг. Плехановъ, Ленинъ, Богдановъ, Базаровъ, Луначарскій, П. Юшкевичъ и прочіе марксистскіе философы, «марксисты и махисты»—всѣ они варятся въ собственномъ соку, пишутъ другъ о другѣ, возражаютъ другъ другу, дополняютъ и исправляютъ другъ друга, признаютъ произведенія другъ друга «дѣлающими эпоху»,—и не выходятъ изъ рамокъ этой семейной философіи... Но часть даже и этихъ представителей одного муравейника поняла, наконецъ, всю безнадежную слабость позиціи «діалектическаго матеріализма», всю шаткость перевернутого вверхъ ногами Гегеля; появились попытки «примирить» Маркса съ Авенаріусомъ, съ Махомъ. А г. Плехановъ остался сидѣть у разбитаго корыта «діалектическаго матеріализма», упорно не мѣняя своей позиціи даже и до сего дня... Помните великолѣпнаго прутковскаго барона фонъ-Гринвальдуса? Отвергла жестокая Амалія баронову руку—и сидитъ баронъ, принахмурясь, предъ замкомъ Амаліи:

Года за годами...
 Бароны пируютъ,
 Бароны воюють,—
 Баронъ фонъ-Гринвальдусъ,
 Сей доблестный рыцарь,
 Все въ той же позиціи
 На камнѣ сидитъ...

А Амалія попрежнему неблагосклонна... Такъ и съ г. Плехановымъ: философія попрежнему неблагосклонна къ на-

шему марксисту, попрежнему она даже близко не проходила около него, а онъ все сидитъ предъ недоступнымъ ему замкомъ философіи и держится за свой діалектическій матеріализмъ. «Года за годами... Георгій Плехановъ, сей доблестный рыцарь, все въ той же позиціи на камнѣ сидитъ»... И давно уже слѣдовало бы г. Плеханову понять, что его «философскіе взгляды» уже отжили свой вѣкъ, что въ настоящее время они являются «философіей» только для дѣтей младшаго возраста, что они далеко оставлены позади даже многими бывшими соратниками г. Плеханова. А если онъ пойметъ это, то онъ послѣдуетъ извѣстному совѣту, данному когда-то итальянкой Руссо: «lasciate la donna e studiate la matematica». Донна-философія не ко всякому бываетъ благосклонна, а насильно милъ не будешь; есть другая область—соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ ихъ практическомъ приложеніи къ жизни—гдѣ г. Плехановъ силенъ и представляетъ изъ себя крупную величину среди современныхъ ему общественныхъ дѣятелей. Пусть онъ туда и обратится; зачѣмъ пытаться работать въ совершенно несвойственной ему области философской мысли?

Впрочемъ, если занятіе своей семейно-марксистской философіей доставляетъ ему удовольствіе, то отчего же и не позаняться ею; надо только помнить, что такое мирное семейное удовольствіе не имѣетъ никакого общественнаго и философскаго значенія. «Діалектическій матеріализмъ» сыгралъ свою значительную роль въ исторіи русскаго сознанія девяностыхъ годовъ (см. объ этомъ въ «Исторіи русск. общ. мысли», т. II, стр. 450 и сл.); остановиться на этомъ «энгельсированномъ гегельянствѣ», не идти впередъ, замереть на точкѣ могутъ только послѣдніе могикане ортодоксальнаго марксизма, но русская общественная мысль пройдетъ мимо этой мертвой точки. Правда, г. Плехановъ заявляетъ, что онъ идетъ впередъ, что онъ не слѣпо повторяетъ и перефразируетъ энгельсированное гегельянство, а истолковываетъ Энгельса своимъ

умомъ, даетъ намъ, такъ сказать, уже «плеканизированное энгельсианство»... Быть можетъ, явятся въ марксизмъ и дальнѣйшіе эпигоны, которые будутъ продѣлывать съ г. Плехановымъ то самое, что онъ теперь продѣлываетъ надъ Энгельсомъ, но это еще болѣе ускоритъ выясненіе всей философской убогости «діалектическаго матеріализма». Энгельсируйте, плеканизируйте его, дѣлайте съ нимъ все, что вамъ угодно, но кромѣ «томпаковой посредственности» (говоря словами Герцена), вы все равно ничего не получите. Русская общественная мысль уже сдвинулась съ этой точки, и куда бы она ни пошла, но ужь назадъ, конечно, не вернется.

Г. Плехановъ, разумѣется, думаетъ иначе; кто изъ насъ правъ—покажетъ будущее, а въ ожиданіи этого будущаго мы можемъ считать нашу задачу рѣшенной. Мы шагъ за шагомъ шли за «критикой» г. Плеханова, отвѣчали на его столь многочисленные вопросы, указывали на невѣроятныя ошибки его въ пониманіи основныхъ теченій русской общественной мысли, отмѣчали его свойство понимать многое «какъ-разъ наоборотъ» и т. п. Но если бы вся суть настоящаго отвѣта заключалась только въ характеристикѣ подобныхъ приѣмовъ г. Плеханова или въ указаніи его ошибокъ, то мы совершенно отказались бы отъ удовольствія вести разговоръ съ г. Плехановымъ: это было бы слишкомъ мелочной задачей для большой статьи. Я полагаю, однако, что многое въ этомъ спорѣ представляетъ и общій интересъ для уясненія различныхъ эпизодовъ исторіи русской общественной мысли, для пониманія воззрѣній Герцена, Чернышевскаго, Михайловскаго; въ этомъ главная задача настоящихъ строкъ. Возражая г. Плеханову, я говорю не съ нимъ, а съ тѣми читателями, которые еще не застыли безъ движенія на разъ принятой догмѣ, которые не останавливаются на отжившей свое время истинѣ, которые вѣрятъ въ вѣчное творчество человѣческаго духа и не соединяютъ социальную революціонность съ духовной консервативностью. Для

нихъ я пишу; г. Плехановъ далъ только поводъ. И, прощаясь съ г. Плехановымъ, я могу только напомнить ему, что раньше или позже духовная и идейная консервативность неизбѣжно обращается въ духовную реакціонность—и къ этому концу давно идетъ, если уже не пришелъ, ортодоксальный марксизмъ. Спорить объ этомъ незачѣмъ, это, повторяю, покажетъ будущее; а пока—мы съ г. Плехановымъ можемъ прекратить бесплодный споръ и разойтись въ разныя стороны. Пусть нашъ марксистъ все ближе и ближе подходитъ къ идейной и духовной реакціонности, но мы за нимъ не послѣдуемъ:

Ступай себѣ направо,
А я пойду налево...

ХІІІ.

Когда я впервые прочелъ извѣстную теперь читателямъ статью г. Плеханова, я былъ очень удивленъ однимъ бросающимся въ глаза обстоятельствомъ. Дѣло вотъ въ чемъ: критикъ твердитъ на тысячи ладовъ, что книга моя—невѣжественное, безграмотное, лубочное произведеніе; читатели достаточно часто слышали это. Но въ такомъ случаѣ меня удивляетъ только одно обстоятельство: зачѣмъ Мальбругъ въ походъ поѣхалъ? Вѣдь какъ-никакъ, а г. Плехановъ считается генераломъ-отъ-марксизма; и если книга моя дѣйствительно такъ слаба, какъ объ этомъ настойчиво твердитъ г. Плехановъ, то онъ долженъ былъ бы, вмѣсто того, чтобы ѣхать на нее походомъ, сказать своимъ товарищамъ по брани:

Туда умаго не надо—
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Но нѣтъ: г. Плехановъ распалился гнѣвомъ, вооружился, поѣхалъ въ походъ и посвятилъ мелочному разбору ни-

чтожной книги громадную статью чуть не въ сотню страницъ... Что сей сонъ значить?

Этого я не могъ понять, пока на мою книгу не поѣхалъ новымъ походомъ одинъ изъ марксистскихъ Реадовъ—г. Луначарскій. Что у г. Плеханова на умѣ, то у г. Луначарскаго на языкѣ: только съ этой точки зрѣнія и представляетъ извѣстный интересъ еще болѣе громоздкая статья этого марксистскаго Реада. Прочитавъ ее, я знаю теперь причины, побудившія гг. марксистовъ поѣхать въ столь продолжительный походъ... Но объ этихъ причинахъ — потомъ; теперь нѣсколько словъ вообще о статьѣ г. Луначарскаго.

Если и г. Плехановъ — эта тяжелая артиллерія марксистовъ-меньшевиковъ — не заставилъ меня отказаться ни отъ одного положенія моей книги, то еще менѣе это могло удаться поверхностному г. Луначарскому, этому гарцующему кавалеристу «большевиковъ». Поэтому я позволю себѣ уклониться отъ сомнительнаго удовольствія разбирать шагъ за шагомъ «критику» этого марксиста — довольно съ насъ и г. Плеханова! Ограничусь лишь двумя-тремя примѣрами критическихъ приемовъ г. Луначарскаго; это намъ покажетъ, стоитъ ли разговаривать съ этимъ марксистскимъ критикомъ.

Приемъ полемики г. Луначарскаго отличается своеобразною развязностью. Тамъ онъ ошибочно переписываетъ цитату, тамъ пропуститъ главную мысль, тутъ вставитъ въ кавычки фразу, совершенно не обрѣтающуюся въ контекстѣ, здѣсь извратитъ ясный смыслъ до неузнаваемости и внесетъ отъ себя такіе «комментаріи», что остается только руками развести...

Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ. Характеризуя восьмидесятыя годы XIX вѣка какъ «эпоху общественнаго мѣщанства», я указываю («Ист. русск. общ. мысли», т. II, гл. V), что идеологія «культурнаго общества» той эпохи стояла на трехъ китахъ — самосовершенствованіи, постепенности и теоріи малыхъ дѣлъ. Сами

по себѣ эти факторы являются неизбѣжными и величайшими двигателями человѣческой дѣятельности, если мы подчиняемъ ихъ болѣе общему началу нашего міровоззрѣнія, нашей общей конечной (хотя и субъективной) цѣли. Если же мы возведемъ ихъ въ принципъ независимо отъ этой конечной цѣли, если мы провозгласимъ, на примѣръ, что самосовершенствованіе есть самоцѣль, то раньше или позже мы впадемъ въ безпросвѣтное мѣщанство. Этой участи, какъ извѣстно, едва не подверглись «кающіеся дворяне» шестидесятыхъ годовъ; Михайловскій отмѣчаетъ, что кающихся дворянъ отъ такой участи спасъ разночинецъ. Восьмидесятниковъ же отъ этой участи никто не спасъ: они возвели въ принципъ самосовершенствованіе, постепенность, теорію малыхъ дѣлъ, ибо не имѣли болѣе общаго начала міровоззрѣнія, той основной движущей идеи, которая даетъ возможность человѣку отвѣчать на вопросъ — что есть твой Богъ? Для чего ты живешь?

Такова основная мысль главы о восьмидесятыхъ годахъ. Иллюстрируя эту мысль, я привожу прелестную сказочку Салтыкова — о двухъ бобылкахъ, Умѣренности и Аккуратности, проживающихъ на задворкахъ Добродѣтелей и потихоньку водящихъ знакомство съ Пороками, которымъ онѣ разводять вѣчную канитель: «помаленьку-то покойнѣе, а потихоньку — вѣрнѣе»... Если возвести эту Умѣренность и Аккуратность въ принципъ («понятія эти мы прилагаемъ, конечно, къ области идеологій» — тамъ же замѣчаю я), то мы придемъ къ картофельной нравственности и къ морали рабовъ; но это не значитъ, что если мы возведемъ въ принципъ Неумѣренность и Неаккуратность, то мы избавимся отъ мѣщанства: оба эти пути приводятъ въ мѣщанское болото. Нельзя въ основу міровоззрѣнія класть самосовершенствованіе или постепенность, умѣренность или аккуратность: «лишь только мы возведемъ (ихъ) въ принципъ, какъ тѣмъ самымъ немедленно впадемъ въ мѣщанство» (т. II, стр. 324—325).

«Какая пошлость!—воскликаетъ въ отвѣтъ на это г. Луначарскій—надо быть, видите ли, умѣреннымъ въ аккуратности, неумѣренная аккуратность это уже крайность! Надо быть также аккуратно-умѣреннымъ, неаккуратная умѣренность это уже черезчуръ срединность! Да, перещеголялъ г. Ивановъ-Разумникъ западныхъ мѣщанъ съ ихъ *juste milieu*. Нѣтъ, говорить, золотая середина это уже крайность, а надо держать какъ-то этакъ: на золотую средину между золотой серединой и крайностью!» (стр. 228).

Не буду касаться того, что всю предыдущую цитату изъ моей книги г. Луначарскій переписалъ съ различными произвольными вставками и пропусками; это еще мелочь. Но неужели же у меня еще есть хоть немного столь же «проницательныхъ» читателей, какъ г. Луначарскій? Неужели же еще кто-нибудь, кромѣ этого марксистскаго Реада, не понялъ, что «умѣренность и аккуратность» въ данномъ случаѣ есть только конкретное выраженіе любого практическаго правила поведения, неправильно кладущагося во главу угла міровоззрѣнія? Вѣдь это же подчеркнуто въ текстѣ, вѣдь тамъ указано, что понятія эти мы прилагаемъ, конечно, къ области идеологій! Объ этомъ г. критикъ почему-то умолчалъ... И смыслъ всей цитаты не въ томъ, что надо быть «умѣренно-аккуратнымъ» или «аккуратно-умѣреннымъ» (какое поистинѣ пошлое пониманіе! Вотъ ужъ дѣйствительно: избавь насъ, Боже, отъ такихъ читателей!), а въ томъ, что не надо быть по принципу ни «умѣреннымъ», ни «неумѣреннымъ», что не надо возводить на степень общей идеи міровоззрѣнія подчиненныя ему правила поведения—напримѣръ, хотя бы принципъ самосовершенствованія. Неужели это не ясно, и неужели хоть кто-нибудь изъ читателей могъ понять меня столь пошло, какъ этого хочетъ г. Луначарскій?

Пропустивъ страницъ тридцать столь же вѣской «критики», остановимся еще на любопытномъ образчикѣ дру-

гого полемическаго приѣма. На страницѣ 19 перваго тома «Исторіи русск. общ. мысли» читатели найдутъ ту мысль, что авторъ счелъ возможнымъ «избѣжать загроможденія центральнаго понятія личности вспомогательными философско-метафизическими построениями», и что въ дальнѣйшемъ авторъ будетъ понимать личность исключительно эмпирически. «Авторъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія позитивизма. — говорится далѣе, — будучи сторонникомъ имманентной школы. Однако въ предлагаемой работѣ идетъ рѣчь исключительно объ эмпирической личности, ибо метафизическая сторона этого вопроса вышла на большую дорогу исторіи русской интеллигенціи только въ началѣ XX вѣка, почему мы и считали себя въ правѣ миновать эту проблему, изучая исторію интеллигенціи XIX столѣтія»... Съ подчеркнутою мною теперь фразой можно не соглашаться, можно доказывать необходимость философско-метафизическаго опредѣленія «личности» для цѣлей «Исторіи русск. общ. мысли»; такъ и поступали другіе критики (напр., г. Волжскій въ статьѣ «Новая книга о русской интеллигенціи», «Русская Мысль», 1907 г., № 6). Можно спорить о правильности соображеній автора, но нельзя одного—нельзя говорить о томъ, какъ авторъ рѣшаетъ проблему, разъ онъ категорически заявляетъ, что не рѣшаетъ, а минуетъ ее. Но естественно, что г. Луначарскій и поступаетъ именно такъ, какъ не слѣдуетъ поступать. Онъ пишетъ: «невозможно не отмѣтить одного курьеза: говоря такъ много о личности, о ея правахъ, свойствахъ, о ея цѣнности и т. п., г. Ивановъ-Разумникъ лишь въ одномъ примѣчаніи пытается опредѣлить, что же такое эта личность? И насколько ясное получается у него опредѣленіе, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель»... (стр. 255). Затѣмъ г. критикъ переписываетъ, съ добрымъ десяткомъ ошибокъ, слѣдующую цитату все съ той же 19-ой страницы, являющуюся непосредственнымъ продолженіемъ подчеркнутой выше фразы: «вкратцѣ точка зрѣнія автора такова:

имманентная философія неизбежно приводитъ къ солипсизму и даже болѣе того—къ признанію, что «я» есть только рядъ безсвязныхъ элементовъ сознанія. Признаніе этого ряда элементовъ сознанія за цѣльную «личность» есть уже вполне метафизическое построеніе; на метафизической почвѣ дѣлается и дальнѣйшій шагъ—преодоленіе солипсизма, утверженіе цѣльности и дѣйствительности «личностей» вообще, и далѣе—признаніе «эмпирической личности». Все это тѣ метафизическіе лѣса, которые необходимы при построеніи міровоззрѣнія, но которые нужно снять, чтобы увидѣть построенное зданіе» (т. I, стр. 19). «Что за жалкая участь! — восклицаетъ въ отвѣтъ на это г. критикъ:—быть яростнымъ индивидуалистомъ и растерянно бормотать что-то невразумительное, когда отъ васъ потребуютъ опредѣлить основное понятіе вашего міросозерцанія!» (стр. 255).

Вотъ вамъ образчикъ приемовъ этого марксистскаго критика. Авторъ заявляетъ, что намѣренно минуетъ опредѣленіе личности, обходитъ его по такимъ-то причинамъ, а марксистскій критикъ заявляетъ: вотъ какъ авторъ «пытается опредѣлить» личность! А вѣдь кажется ясно, что въ приведенной выше цитатѣ я вовсе не «пытаюсь опредѣлить» личность, а только вкратцѣ и схематически намѣчаю ту точку зрѣнія, съ которой надо подходить къ такому опредѣленію, намѣчаю рядъ этаповъ мысли на пути къ опредѣленію «личности» имманентной философіей. Отъ ряда безсвязныхъ элементовъ сознанія (о чемъ см. у Джемса) до признанія «я», до трансцендентальнаго единства апперцепціи (говоря словами Канта), и далѣе—отъ этого признанія до преодоленія солипсизма имманентной философіей (о чемъ см. у Шуппе и Шубертъ-Зольдерна)—вотъ путь, который кажется г. критику «невразумительнымъ». Пусть это для него невразумительно, но гдѣ же здѣсь «попытка опредѣленія личности»—недоумѣваю; вполне вхожу въ положеніе того читателя, къ которому апеллируетъ г. Луначарскій, говоря: «насколько

ясное получается у г. Иванова-Разумника опредѣленіе (личности), объ этомъ пусть судитъ самъ читатель»... Читатель, можетъ быть, и радъ бы «судить», но, увы!—судить нечего, ибо никакого *corpus delicti* не имѣется, никакого «опредѣленія» нѣтъ... А что касается того обстояательства, что приведенныя выше мысли кажутся г. критику неясными и невразумительными, то, быть можетъ, онѣ стали бы ему яснѣе, если бы онъ хоть немного ознакомился съ главными работами на эту тему Джемса, Шуппе, Шубертъ-Зольдерна, не говоря уже о Кантѣ. Впрочемъ, по словамъ г. Луначарскаго, Кантъ—это просто «кенигсбергскій китаецъ»,... бессмертный Далай-Лама мѣщанства» (290). Относясь съ такой «дѣтской рѣзвостью» къ титану философіи, неужели же г. Луначарскій будетъ обращать вниманіе на какого-нибудь Шуппе? Его воля, конечно: пусть не обращаетъ вниманія, но пусть и не жалуется тогда на «невразумительность», которая происходитъ только отъ его собственнаго незнанія и отъ его дѣтской рѣзвости по отношенію къ философіи. Правда, я выразился хотя и вполне опредѣленно, но недостаточно элементарно; если когда-нибудь мнѣ вздумается выпустить въ свѣтъ упрощенное и облегченное изданіе «Исторіи русской общественной мысли», то я непременно буду имѣть въ виду уровень пониманія гг. Луначарскихъ.

Еще одно замѣчаніе—и мы отпустимъ г. Луначарскаго на всѣ четыре стороны. Мнѣ уже случилось упомянуть, что г. Луначарскій именуется меня «эпигономъ народничества»; обиднаго въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего, такъ какъ всѣ мы въ буквальномъ смыслѣ—«эпигоны», т.-е. «послѣ-рожденные», это еще Михайловскій сказалъ. Но есть и другого рода эпигоны—эпигоны не въ смыслѣ «послѣ-рожденія», а въ смыслѣ «вырожденія»; эпигонами въ этомъ смыслѣ являются тѣ, которые боятся сдѣлать хоть одинъ шагъ за черту, проведенную «раньше-рожденными», тѣ, которые боятся новыхъ путей и продолжаютъ упираться лбомъ въ ту стѣну, черезъ которую уже пере-

шагнула общественная и философская мысль ихъ времени. Эти эпигоны-вырожденцы доводятъ до идейнаго тупика творчество своихъ духовныхъ предковъ, отказываясь отъ творчества своей мысли; эти эпигоны-вырожденцы—типичные консерваторы, духовные реакціонеры, вѣчные догматики, сторонники принципа *magister dixit*, слѣпые ученики великихъ учителей. Такие люди бываютъ во всѣхъ партіяхъ, во всѣхъ общественныхъ группахъ, во всѣхъ социальныхъ и философскихъ школахъ,—конечно, не только въ марксизмъ, но и въ народничество, не только въ области социальной мысли, но и въ философию, и въ религію, и въ науку, и въ искусство—всюду. Они типичные «дикари высшей культуры», говоря словами Лаврова, типичные мѣщане, лишены дара творчества и способные лишь держаться за разъ навсегда установленную догму. Это о нихъ я высказываю цитируемое г. Луначарскимъ положеніе: «несомнѣнно, что среди многихъ интеллигентовъ, твердо и безповоротно увѣровавшихъ въ ту или иную догму и приходящихъ въ ужасъ отъ малѣйшаго вѣянія критики—не мало самыхъ настоящихъ мѣщанъ; но они и не входятъ въ группу интеллигенціи, для которой творчество есть альфа и омега бытія» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. XXIX). Г. Луначарскій комментируетъ: «читай: марксистовъ, социаль-демократію я не защищаю; но пощадите эсеровъ, ради такихъ праведниковъ, какъ н.-с., анархистовъ—ради такихъ, съ позволенія сказать, представителей, какъ анархо-мистики!» (стр. 232).

Нѣтъ, читатель, не читайте того, что у меня не написано, ибо и на этотъ разъ г. комментаторъ попадаетъ съ позволенія сказать, пальцемъ въ небо. Рѣчь идетъ не о марксистахъ, не о народникахъ, не о социаль-демократахъ, не о социалистахъ-революціонерахъ; насъ интересуютъ не мистики, позитивисты, идеалисты, матеріалисты, не тѣ или иныя социальныя и идейныя группы; нѣтъ, мы говоримъ о всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ, о тѣхъ входя-

щихъ въ ихъ составъ людей, которые отказались отъ творчества, уцѣпились за догму, привели къ вырожденію исповѣдуемые ими взгляды. Эти эпигоны-вырожденцы толкуются на одномъ мѣстѣ въ хвостѣ общественной мысли, думая, что идутъ впередъ во главѣ ея. Такие эпигоны марксизма—слѣпые сторонники былой «ортодоксіи»; такие эпигоны народничества—упорные послѣдователи Михайловскаго, блюдушіе каждую іоту его ученія. Всякое ученіе, всякое міровоззрѣніе имѣетъ такихъ эпигоновъ. И я думаю, что эпигонство въ этомъ смыслѣ—не мой удѣлъ; ошибаюсь ли я или не ошибаюсь, но въ этомъ меня не могутъ убѣдить или разубѣдить голословныя завѣренія марксистскихъ критиковъ.

Этимъ небольшимъ отступленіемъ *pro domo sua* я позволю себѣ закончить навсегда всякіе разговоры съ г. Луначарскимъ. Подробно отвѣтивъ на тяжеловѣсную критику г. Плеханова, я считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ легковѣсныя нападенія г. Луначарскаго. Если мы остановились на статьѣ этого марксиста, то только оттого, что нашли въ ней разъясненіе любопытнаго вопроса: зачѣмъ марксистскіе Мальбруги поѣхали въ столь дружный походъ на столь ничтожную, по ихъ мнѣнію, книгу? Согласитесь, вѣдь странно же: книга ничтожная, слабая, а на нее наваливаются двѣ громадныя статьи, свыше двухсотъ страницъ, цѣлая книга! Въ чемъ же причина этого марксистскаго похода?

Г. Плехановъ на это не отвѣчаетъ, а г. Луначарскій, по простотѣ душевной или въ азартѣ полемики, объясняетъ намъ простыя причины такой странной непослѣдовательности...

XIV.

Дѣло, оказывается, вотъ въ чемъ. Гг. марксистовъ очень беспокоитъ возможность «концентраціи интеллигенціи» въ настоящее время: а пишущаго эти строки они

считают «идеологомъ интеллигенціи», «поднимающимъ обще-интеллигентское знамя, враждебное пролетаріату»... Эта ужасная мысль становится навязчивой идеей г. Луначарскаго. То онъ пишетъ: «если бы интеллигенція могла серьезно сплотиться и стать силой въ Россіи въ нашу эпоху—г. Ивановъ-Разумникъ былъ бы личностью до нѣкоторой степени исторической, хотя, конечно, избраніе въ вожди г. Иванова-Разумника отнюдь не говорило бы въ нашихъ глазахъ въ пользу интеллигенціи» (стр. 225). То ему рисуется слѣдующая идиллическая, но и опасная картина: «г. Ивановъ-Разумникъ—разумный интеллигентъ, здравосмысленный; тихонько говоритъ онъ свое: клу-клу-клу, какъ умная и добрая насѣдка, и собираетъ цыплятъ подь крыло» (стр. 226). Какъ тутъ не перепугаться! И нашъ встревоженный марксистъ убѣждаетъ русскую интеллигенцію, что если ужъ она такъ-таки не хочетъ идти въ единоспасающій марксизмъ, то пусть лучше погрузится она въ «метафизическій и старчески-сладоэстрастный пессимизмъ» Ө. Сологуба или пусть лучше возьметъ своимъ credo «безнадежный пессимизмъ Л. Андреева»—лишь бы только не пошла она по пути имманентнаго субъективизма: «все это было бы красивѣе и почетнѣе, чѣмъ взять себѣ въ руководители такого разсудительнаго ментора, какъ г. Ивановъ-Разумникъ, этотъ настоящій нѣкто въ сѣромъ нашей литературы. Впрочемъ—утѣшаетъ себя и успокаиваетъ читателей г. Луначарскій—врядъ-ли это случится» (стр. 277). Вотъ какъ заботится этотъ марксистъ о той самой интеллигенціи, на голову которой онъ съ такой комичной безпощадностью обрушиваетъ свои громы не изъ тучи, и которую онъ считаетъ безнадежно проникнутой духомъ мѣщанства... Если такъ, то казалось бы—что онъ Гекубѣ, что ему Гекуба? А онъ вотъ какъ себя беспокоитъ: предостерегаетъ, утѣшаетъ, совѣты даетъ, вооружается, въ походъ ѣдетъ...

Напрасно гг. марксисты такъ себя беспокоятъ; но напрасно также они себя и утѣшаютъ. Быть «вождемъ»,

«насѣдкой», «менторомъ» или чѣмъ-либо подобнымъ—пишущій эти строки никогда не собирался и не собирается; но это не мѣшаетъ ему думать, что субъективизму въ той или иной его формѣ предстоитъ еще широкая дорога, что гениальныя концепціи Герцена и взгляды его преемниковъ еще не одинъ разъ привлекутъ къ себѣ русскую интеллигенцію *). Конечно, это не будетъ значить, что интеллигенція «взяла себѣ въ руководители г. Иванова-Разумника», а будетъ значить только то, что тѣ чувства и мысли, однимъ изъ выразителей которыхъ является пишущій эти строки, вновь пробили себѣ дорогу среди трансцендентныхъ—и позитивныхъ и мистическихъ—течений русской общественной мысли. Вопросъ о личности выразителя отходитъ при этомъ на второй планъ: «пусть я бездаренъ, да тема-то моя талантливая!»—остроумно замѣтилъ по тождественному поводу одинъ современный очень талантливый публицистъ.

Оттого-то и наши Мальбруги въ походъ поѣхали. Пусть авторъ бездаренъ, пусть книга ничтожна, но тема—«талантливая», этого они не могутъ скрыть ни отъ себя, ни отъ читателей. Тема это—человѣческая личность, къ которой марксизмъ всегда былъ совершенно равнодушенъ, и отъ которой всегда исходило народничество; въ этомъ—центръ нашей антроподицеи, та вѣчная истина, противъ которой безсильны всѣ марксистскія «истины» въ кавычкахъ.

Въ марксизмѣ, кромѣ его методологіи, имѣетъ извѣстное значеніе то чувство общности, которое столь враждебно ультра-индивидуализму подпольнаго челоѣка; но и въ народничествѣ эта «общность» была однимъ изъ краеугольныхъ камней, и притомъ была соединена съ высокимъ культомъ челоѣческой личности. «Личность никогда не должна быть принесена въ жертву,—писалъ Михайловскій въ своихъ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ»

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ «О смыслѣ жизни».

(1877 г.)—она свята и неприкосновенна»; и тотъ же Михайловскій былъ однимъ изъ величайшихъ противниковъ ультра-индивидуализма, однимъ изъ величайшихъ борцовъ за общественность. Герценъ задолго до Михайловскаго обосновалъ «русскій социализмъ» на этомъ двойномъ фундаментѣ—и никакія марксистскія истины не разрушатъ его. Но и обратно: никакіе доводы и доказательства не пошатнутъ марксистскаго презрѣнія къ человѣческой личности, ибо здѣсь безсильна логика, здѣсь рѣшающій голосъ имѣетъ различіе психологическихъ типовъ. Примиреніе, соглашеніе—повторю еще разъ свои слова—здѣсь невозможно; можно и должно только выяснить основу непримиримаго разногласія и затѣмъ прекратить споръ, который далѣе становится безплоднымъ. Для Бѣлинскаго «человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества», для марксизма она—quantité nulle: о чемъ же тутъ спорить? Тутъ только и можно повторить: иди себѣ направо, а я пойду налево...

Но зато можно и должно возставать противъ тѣхъ марксистскихъ «истинъ», которыя претендуютъ на абсолютное значеніе и которыя оказываютъ такое печальное вліяніе на развитіе общественной мысли, сдавливая ее въ тискахъ узкаго догматизма, принижая и обѣдняя ее, суживая ея горизонтъ. Психологическіе типы людей останутся различными, но эти «истины» уже и теперь удовлетворяютъ только нетребовательныхъ людей. И такъ какъ сами марксисты утверждаютъ, что ихъ «діалектическая философія разлагаетъ всѣ представленія объ окончательной, безусловной истинѣ», что философія эта «на всемъ и во всемъ видитъ печать неизбежнаго паденія и ничто не можетъ устоять передъ нею, кромѣ непрерывнаго процесса возникновенія и уничтоженія» (такъ говоритъ Энгельсъ въ переводѣ г. Плеханова, *op. cit.*, стр. 33),—то мы только позволяемъ себѣ приложить эти слова къ самому ортодоксальному марксизму, къ его «истинамъ». Мы думаемъ, что пришло время разложенія, неизбежнаго

паденія и уничтоженія этихъ марксистскихъ истинъ, какъ ни распространены онѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ европейской и русской интеллигенціи.

Послѣднее, впрочемъ, вполнѣ естественно; объ этомъ остроумно говорилъ еще ибсеновскій докторъ Штокманъ. «Всякая нормальная (не абсолютная) истина—говорилъ онъ—живетъ обыкновенно... лѣтъ двадцать, не болѣе того; и въ такомъ почтенномъ возрастѣ эти истины чаще всего страшно худосочны и тощи. Но какъ-разъ въ это время ими и начинается интересоваться большинство, навязывающее ихъ обществу въ качествѣ здоровой пищи; а питательнаго-то матеріала въ этихъ истинахъ уже почти совсѣмъ не осталось... Всѣ такія истины, любезныя сердцу большинства, похожи на прошлогоднюю селедку или на высохшую пересоленную ветчину. Вотъ эти-то истины и даютъ начало той нравственной цынги, которая заражаетъ собою все общество»... Эту нравственную цынгу мы называемъ этическимъ мѣщанствомъ; и этой болѣзнию все серьезнѣе и сильнѣе болѣетъ ортодоксальный марксизмъ, когда-то бодрый и живой, а нынѣ—высохшій, догматичный, отмирающій, нетерпимый, по инерціи выговаривающій мертвымъ языкомъ мертвыя слова.

Конечно, марксисты съ этимъ не согласятся; для нихъ вся истина заключена въ міркѣ марксизма, а марксизмъ съ давнихъ поръ считаетъ этотъ свой мірокъ—цѣлой вселенной. Старая исторія! Но не худо бы вспомнить, что еще Мефистофель ядовито высмѣивалъ то людское самообольщеніе, которое

. . . . die kleine Narrenwelt
Gewöhnlich für ein Ganzes hält.

Марксисты злоупотребляютъ такимъ самообольщеніемъ, считая себя обладателями абсолютной истины и полагая, что смерть ортодоксальнаго марксизма была бы равносильна гибели Истины вообще... Мы, «субъективисты», въ этомъ случаѣ послѣдовательнѣе примѣняемъ къ развитію

идеологій «діалектическую философію», столь любезную сердцу марксистовъ: было и прошло старое народничество, былъ и прошелъ ортодоксальный марксизмъ—остались однѣ развалины. Но снова и снова будетъ человѣчество строить на развалинахъ старыхъ теорій и вѣрованій новыя ученія и системы, снова и снова цѣнные элементы стараго будутъ входить въ новыя воздвигаемыя зданія; разрушеніе и гибель стараго должны придавать человѣку новыя силы для новой постройки, для новаго стремленія впередъ. Чудесно сказалъ Гете,—и эти его слова вѣчно звучать въ исторіи всего человѣчества:

Mächtiger
Der Erdensöhne,
Prächtiger
Baue sie wieder,
In deinem Busen baue sie auf!
Neuen Lebenslauf
Beginne,
Mit hellem Sinne,—
Und neue Lieder
Tönen darauf!

Еще о смыслѣ жизни.

I.

Вѣчное разрушеніе стараго, вѣчное созиданіе новаго изъ разрушенныхъ обломковъ—имѣетъ ли этотъ безконечный процессъ какую-нибудь конечную объективную цѣль?

Три главныхъ отвѣта даются на этотъ вопросъ вотъ уже сотни и тысячи лѣтъ. Всего три отвѣта, всего три пути—не значить ли это, что всѣмъ намъ суждено только дословно повторять сказанное тысячи лѣтъ тому назадъ? Конечно, нѣтъ: семь тоновъ гаммы, три основныхъ спектральныхъ цвѣта—даютъ намъ безконечныя средства для новаго проявленія художественнаго творчества. Такъ и три отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни человѣка и человѣчества даютъ намъ только формы, въ которыя будетъ вкладываться вѣчно новое содержаніе творчества философскаго и религіознаго.

Богъ, Человѣчество, Человѣкъ—вотъ эти три отвѣта, три пути. Цѣль историческаго процесса есть Богъ, говорятъ мистики-объективисты; исторія имѣетъ великій трансцендентный смыслъ, великое божественное значеніе; Богъ незримо ведетъ человѣчество къ совершенію Своего